

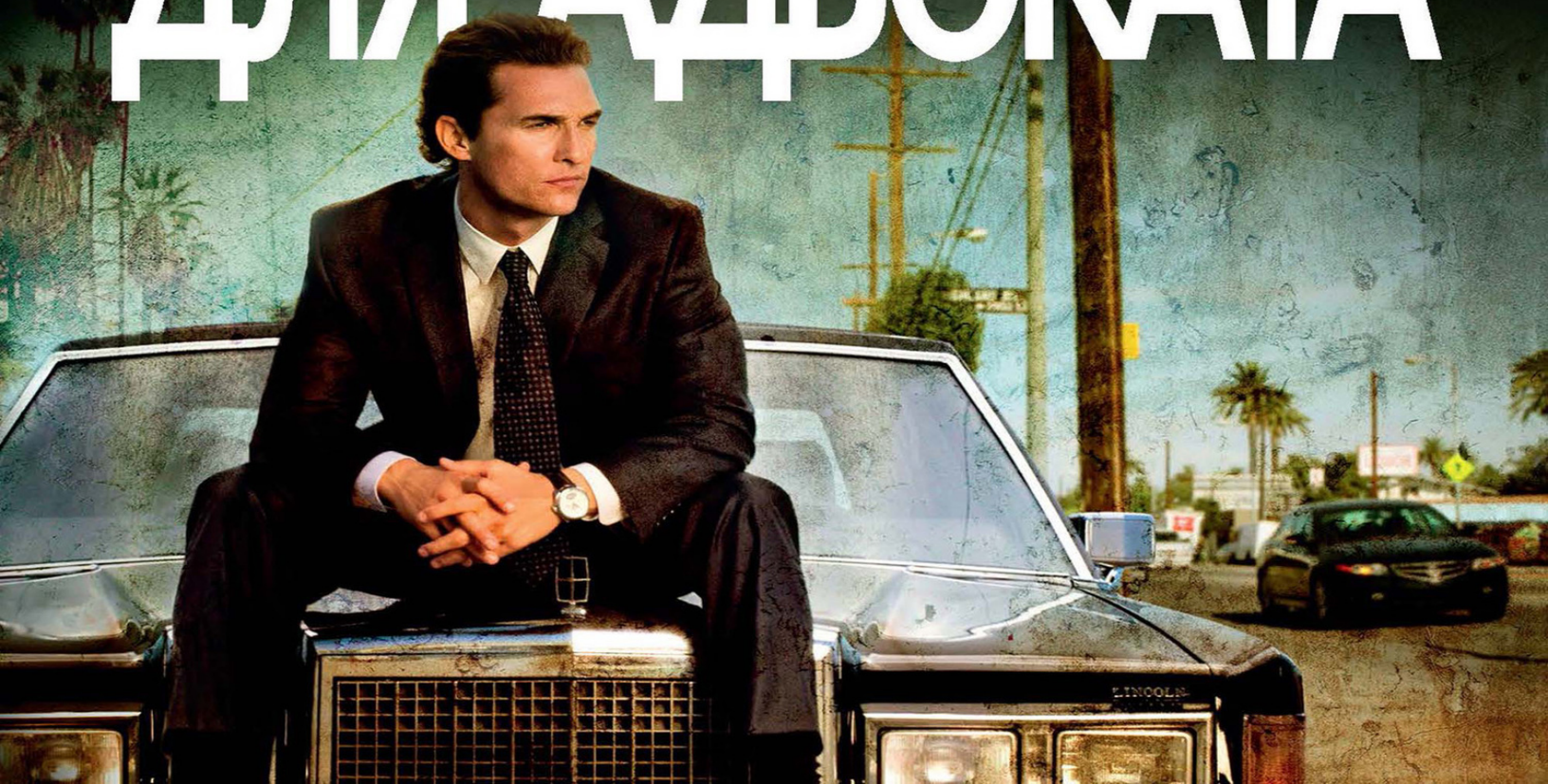
ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ РОМАНОВ КОННЕЛЛИ,
ЕСЛИ НЕ САМЫЙ ЛУЧШИЙ!

USA TODAY

МАЙКЛ КОННЕЛЛИ

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ **74 000 000** КНИГ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

«ЛИНКОЛЬН» ДЛЯ АДВОКАТА

Майкл Коннелли
«Линкольн» для адвоката

Michael Connelly
The Lincoln Lawyer

© 2005 by Hieronymus, Inc.

© Н. А. Кудашева, перевод, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Дэниелу Ф. Дейли и
Роджеру О. Миллзу

Нет клиента страшнее, чем невиновный
человек.

***Дж. Майкл Холлер, судебный
адвокат***

Часть первая. Досудебное следствие

Глава 1

Понедельник, 7 марта

Утренний воздух с пустыни Мохаве в округе Лос-Анджелес чист и бодрящ в конце зимы, как никогда. Он приносит с собой ощущение надежды. В это время мне нравится, чтобы окно у меня в офисе было открыто. Несколько человек знают эту мою привычку, и один из них – Фернандо Валенсуэла. Я имею в виду поручителя, а не бейсбольного питчера. Он позвонил, когда я въезжал в Ланкастер, спеша к девяти часам на плановое судебное слушание.

– Мик, – сказал он, – ты сегодня с утра на севере округа? – Вероятно, он услышал свист ветра в моем сотовом телефоне.

– В данный момент – да, – ответил я, поднимая окно, чтобы лучше слышать. – У тебя что-нибудь есть для меня?

– Да, кое-что. Кажется, наклеывается выгодный клиент. Но его первая явка в суд назначена на одиннадцать. Сможешь вернуться сюда вовремя?

Офис Валенсуэлы, с окнами на улицу, находился на бульваре Ван-Найс, в квартале от административного центра города, который представлял собой два здания суда и тюрьму. Контора моего приятеля называлась «Освобождение на поруки под залог». Красные неоновые цифры его телефонного номера на крыше дома хорошо просматривались с третьего этажа массивного крыла следственной тюрьмы. Те же цифры были нацарапаны на стене рядом с каждым таксофоном, у двери каждой второй тюремной камеры.

Можно также отметить, что Валенсуэла навсегда внесен в мой рождественский поздравительный список. В конце года я дарю по банке соленых орешков всем, кто в нем значится. Праздничный фермерский набор. Каждая банка перевязана лентой с бантиком. Но орешков в банке нет. Только наличность. В моем рождественском списке много поручителей – тех, кто принимает на себя риски по освобождению подсудимых под залог. Поэтому после

Рождества я питаюсь орешками из наборов аж до середины весны – насыпая их в пластиковую тарелку. С моего последнего развода случается, что это угощение составляет весь обед.

Прежде чем ответить на вопрос Валенсуэлы, я подумал о плановом судебном слушании, на которое сейчас ехал. Моего клиента звали Гарольд Кейси. Если список назначенных к слушанию дел составлен по алфавиту, то, освободившись, я мог бы без проблем успеть к одиннадцати часам в Ван-Найс. Но загвоздка состояла в том, что судья Ортон Пауэлл находился на своей должности последний срок. Он уходил на пенсию. Это означало, что теперь ему не придется оказывать на кого-либо давление в связи перевыборами – как и юристам, занимающимся частной практикой. Чтобы продемонстрировать свою новую свободу – и, возможно, отплатить тем, кому был двенадцать лет обязан политической поддержкой, – он любил нарушать привычный порядок. Дела могли рассматриваться как с начала алфавита, так и с конца, а иногда – по хронологии подачи исковых заявлений. До прихода в зал суда никто не знал, как будут слушаться дела. Нередко адвокатам приходилось торчать в зале у Пауэлла по часу и больше. Судье это нравилось.

– Думаю, что успею к одиннадцати, – сказал я без особой уверенности. – А что за дело?

– Обещает быть очень прибыльным, Мик. Сам клиент из Беверли-Хиллз, а семейный адвокат первым делом примчался ко мне. Дело и вправду стоящее. Парня доставили в полицейский участок сегодня ночью, и уже утром адвокат его матери пришел ко мне, готовый передать в залог имущество в Малибу. Даже не торговался об уменьшении залога. По всей видимости, семья не слишком опасается, что он сбежит.

– За что его взяли? – спросил я ровным голосом.

Я и в самом деле чувствовал себя спокойно. Запах денег и предвкушение близкой поживы часто приводят к помешательству, однако я достаточно долго обхаживал Валенсуэлу по праздникам,

чтоб сейчас не дергаться: я единственный, у кого он крепко сидит на крючке. Я мог себе позволить не сходить с ума.

– Пока что копы вменяют ему нападение при отягчающих обстоятельствах, нанесение тяжких телесных повреждений и попытку изнасилования, – ответил поручитель. – Окружной прокурор, насколько я знаю, еще не выдвинул обвинения.

Полиция любила предъявлять сразу целый ряд обвинений. Значение имели только те, которые прокуроры официально включали в иск и с которыми они в конечном счете выходили в суд. Я всегда говорю: уголовное дело сначала кажется львом, а оказывается ягненком. Попытка изнасилования, нападение при отягчающих обстоятельствах и тяжкие телесные повреждения могут легко вылиться в оскорбление действием, то есть простые побои. Я бы не удивился, если дело впоследствии не окажется столь уж выгодным. Тем не менее, если бы мне удалось вовремя встретиться с клиентом и заключить добровольное соглашение, основанное на заявленных обвинениях, то это было бы весьма неплохо, даже если окружной прокурор их потом скостит.

– Ты знаешь какие-нибудь подробности? – спросил я.

– Его арестовали вчера вечером. Как я понял, случайное знакомство в баре закончилось криминалом. Семейный адвокат говорит, что женщина просто хочет денег. Ну, ты понимаешь: за уголовным обвинением последует гражданский иск. Но я в этом не так уж уверен. Слышал, что она сильно избита.

– Как зовут семейного адвоката?

– погоди секунду. У меня где-то есть его визитка.

В ожидании, пока Валенсуэла найдет визитную карточку, я посмотрел в окно. Две минуты отделяло меня от здания ланкастерского суда и двенадцать минут – от начала планового слушания. В этом промежутке мне требовалось по крайней мере минуты три, чтобы переговорить с клиентом и сообщить ему неутешительные вести.

– Ага, нашел, – сказал Валенсуэла. – Его зовут Сесил С. Доббс, эсквайр. Из Сенчури-Сити. Видишь, я же тебе сказал: большие деньги.

Валенсуэла был прав. Но даже не адрес адвоката свидетельствовал о деньгах, а его фамилия. Я кое-что слышал о Си-Си Доббсе и подозревал, что во всем списке его клиентов найдется не больше одного-двух, которые не жили бы в Бель-Эйр или Хомби-Хиллз, причем там, куда звезды по ночам спускаются вниз, чтобы коснуться своих помазанников.

– А кто клиент? – спросил я.

– Сейчас... ага... Льюис Росс Руле.

Он произнес имя и фамилию по буквам, и я записал их в свой рабочий блокнот.

– Пишется как «рулет», только звучит по-другому, – добавил Валенсуэла. – Так ты там будешь, Мик?

Прежде чем ответить, я записал в блокнот имя и фамилию Си-Си Доббса. Затем ответил Валенсуэле вопросом на вопрос:

– А почему, собственно, я? Они меня сами затребовали? Или это ты предложил?

В таком деле следовало проявлять осторожность. Приходилось учитывать, что Доббс из тех, кто тут же помчится в калифорнийскую коллегия адвокатов, если заподозрит сговор между поручителем и судебным защитником в деле выгодного клиента. Я уже стал задаваться вопросом, не является ли вся эта история провокацией, которую мой друг Фернандо не распознал. Я не входил в число любимчиков адвокатской коллегии. Они подбирались ко мне и прежде. Причем не раз.

– Видишь ли, я спросил Руле, есть ли у него адвокат для защиты в суде. И он сказал, что нет. Тогда я упомянул тебя. Я не настаивал, не давил. Ненавязчивая реклама, понимаешь?

– Это произошло до или после того, как к делу подключился Доббс?

– Нет, еще до того. Руле позвонил мне сегодня утром из тюрьмы. Арест сопровождался большим скандалом, и, видимо, он смекнул, чем дело пахнет. Доббс объявился уже после. Я сказал, что такие случаи как раз твой профиль, сообщил твой послужной список, и он воспринял все совершенно невозмутимо. Руле привезут в суд в одиннадцать. Сам поймешь, что за зверь. Так ты приедешь?

Довольно долго я ничего не отвечал. Спрашивал себя, насколько откровенен со мной Валенсуэла. Адвокат вроде Доббса обычно имеет для таких okazji своего человека. Если сам он уголовными делами не занимается, то должен бы иметь соответствующего юриста в своей фирме – в крайнем случае в резерве. Но рассказ Валенсуэлы вроде бы этому противоречил. Руле пришел к нему с пустыми руками. Это наводило на мысль, что в деле больше непонятного, чем кажется.

– Эй, Мик, ты слушаешь? – окликнул Валенсуэла.

И я принял решение, которое впоследствии вновь столкнет меня с Хесусом Менендесом и о многом заставит пожалеть. Но в тот момент выбор был сделан – просто очередной шаг, продиктованный повседневной необходимостью.

– Приеду, – ответил я. – Увидимся в одиннадцать.

Я уже собирался закрыть телефонную крышку, когда до меня опять донесся голос Валенсуэлы:

– И ты ведь не забудешь про меня, Мик? Ну, ты понимаешь, если дело действительно окажется выгодным?

Впервые Валенсуэла стремился получить от меня какие-то гарантии, что еще больше усилило мое беспокойство, и я постарался тщательно сформулировать ответ: такой, который удовлетворил бы и его, и адвокатскую коллегия – если бы она нас подслушивала.

– Не беспокойся, Вэл. Ты в моем рождественском списке.

Я захлопнул телефон прежде, чем он успел еще что-либо сказать, и велел своему шоферу подвезти меня к служебному входу здания суда. Очередь у металлоискателя там покороче и идет быстрее, а охрана обычно ничего не имеет против адвокатов-завсегдатаев,

которые норовят пройти поскорее, чтобы успеть в суд к назначенному времени.

Размышляя о Льюисе Россе Руле и о возможных выгодах и опасностях, меня ожидающих, я снова опустил стекло – так, чтобы насладиться последними в это утро глотками свежего, чистого воздуха. В нем все еще ощущалась надежда.

Глава 2

Когда я вошел в зал суда, по обеим сторонам от скамьи подсудимых было полно юристов, которые о чем-то договаривались и совещались. Я заключил, что заседание начнется в срок, так как увидел сидящего за столом судебного пристава. Это означало, что судья тоже скоро займет свое место.

В округе Лос-Анджелес судебные приставы являются принявшими присягу помощниками шерифа, назначенными в тюремно-следственные подразделения. Стол пристава располагался за ограждением, но прямо возле перил – так чтобы граждане имели возможность подходить и задавать вопросы, не вторгаясь в пространство, отведенное для юристов обеих сторон и судебного персонала. Приблизившись к приставу, я увидел перед ним папку с сегодняшней повесткой дня. Прежде чем обратиться, я предусмотрительно взглянул на табличку на униформе. Там значилось: «Р. Родригес».

– Слушай, Роберто, мой парень здесь? Гарольд Кейси?

Судебный исполнитель повел пальцем по списку назначенных к рассмотрению дел, но сразу же остановился. Мне повезло.

– Н-да, есть. Кейси. Второй по порядку.

– Сегодня, значит, по алфавиту. Хорошо. У меня есть время пройти туда, увидеться с ним?

– Нет, сейчас как раз выведут первую группу. Я только что позвонил. Судья уже выходит. У вас будет, вероятно, пара минут уже здесь, в боксе.

– Спасибо.

Я зашагал к ограждению, когда он меня окликнул:

– И я не Роберто, а Ренальдо!

– Да, конечно. Извини, Ренальдо.

– Все мы, судебные приставы, на одно лицо, верно?

Я не понял, была ли это попытка сдохнуть или подковырка в мой адрес. Я просто улыбнулся и прошел за ограждение, приветственно кивнул нескольким знакомым и незнакомым юристам. Один остановил меня, чтобы спросить, как долго продлится слушание моего дела, так как хотел подойти к моменту выхода своего клиента. Я ответил, что намерен повернуть все быстро.

На плановых слушаниях арестованные выводятся в зал суда группами по четыре человека и содержатся в специальном деревянном застекленном боксе, известном под названием «загон». Это позволяет обвиняемому посоветоваться со своим поверенным, пока его дело еще не объявили.

Я подошел к «загону» как раз в тот момент, когда пристав открыл дверь из помещения, где находилась временная камера для подсудимых, и четверых вывели в зал. Первым шагнул в бокс мой клиент Гарольд Кейси. Я занял позицию возле боковой стенки, так чтобы мы могли общаться без помех, по крайней мере с одной стороны, и сделал ему знак подойти поближе.

Кейси был крупный и высокий – таких и стараются набирать себе «Ангелы дорог». Это группировка байкеров – или клуб, как состоящие в ней парни предпочитают ее называть. За время пребывания в ланкастерской тюрьме молодчик по моему совету коротко остриг волосы, побрился и теперь имел вид вполне презентабельный, если не считать татуировок, которые покрывали обе руки от самых плеч и выглядывали из-под воротника. Но тут уж ничего не поделаешь. Я не очень-то осведомлен, какое впечатление на присяжных производят татуировки, но подозреваю, что не слишком хорошее, особенно когда речь идет об оскаленных черепах. Зато я хорошо знаю, что присяжные в массе своей не жалуют волосы, собранные в «конский хвост», – как у обвиняемых, так и у адвокатов, которые их представляют.

Кейси, или Рецидивисту – под этой кличкой его знали в клубе, – вменялось в вину выращивание, хранение и распространение марихуаны, а также другие преступления, связанные с наркотиками

и оружием. В ходе ночной облавы на ранчо, где жил и работал Кейси, помощники шерифа обнаружили небольшой склад и мини-предприятие по выращиванию марихуаны. Конфисковали более двух тысяч полностью созревших растений, шестьдесят три фунта уже собранной конопли, расфасованной в пластиковые пакеты разного объема. Кроме того, арестовали двенадцать унций кристаллического метацина – им упаковщики посыпали сжатый урожай, чтобы придать ему дополнительную крепость, и небольшой склад оружия, значительная часть которого, как потом выяснилось, была украдена. Самого Кейси при этом нашли спящим на кушетке, в пяти футах от стола, где производилась расфасовка.

Состав преступления налицо. Похоже, Рецидивиста подставили. Гособвинение в лице штата получило его тепленьким. К этому надо добавить, что прежде он уже дважды обвинялся в преступлениях, связанных с наркотиками, а за самое последнее отбывал условный срок. В штате Калифорния «три» – магическое число. По-хорошему Кейси светило не менее десяти лет тюрьмы.

Вся странность этого дела заключалась в том, что обвиняемый с нетерпением ожидал предстоящего процесса и даже своего вероятного осуждения. Он не стал отказываться от права на безотлагательное судебное разбирательство^[1] и теперь, после почти трех месяцев тюрьмы, страстно к нему стремился. Таким желанием он горел потому, что единственное, на что он уповал, это апелляция. Благодаря своему адвокату Кейси увидел луч надежды – тот зыбкий мерцающий свет, который лишь хороший адвокат может внести в безнадежный мрак такого дела, как это. Из мерцания родилась стратегия защиты, которая в конечном счете, возможно, приведет к освобождению Кейси. Замысел рискованный и должен был стоить Кейси месяцев ожидания апелляции. Но тот понимал – так же хорошо, как и я, – что другого пути нет.

Штат абсолютно обоснованно обвинил Кейси в производстве, расфасовке и сбыте наркотика, и улики с лихвой все подтверждали. Изъян в обвинении, которое выстроил штат против Кейси – та самая

трещина, откуда пробивался луч, – состоял в способе добычи улики. Именно из-за этого дело было шатким. Моя задача состояла в следующем: выявить и расширить эту щель в ходе судебного процесса, использовать все возможное, зафиксировать это в протоколе и затем убедить апелляционный суд – чего я не смог сделать с судьей Ортоном Пауэллом на досудебной стадии – изъять представленные в данном деле доказательства.

Все началось однажды во вторник в середине декабря, когда «ангел дорог» зашел в хозяйственный магазин в Ланкастере и сделал ряд вполне безобидных приобретений – в том числе три электрические лампочки, применяемые для выращивания сельскохозяйственных культур методом гидропоники. Но только вот человеком, стоявшим позади него в кассу, оказался возвращавшийся со службы заместитель шерифа, который собирался купить рождественские лампочки для наружной гирлянды. Он опознал некоторые сюжеты татуировок, украшавших руки Кейси, в частности особый знак «Ангелов дорог» – череп с нимбом, и смекнул, что к чему. Находясь в тот момент не при исполнении, страж закона, однако, с сознанием долга проследовал за мотоциклистом вплоть до самого ранчо, находящегося в близлежащем Пирблоссоме. Информацию передали оперативной группе по борьбе с наркотиками при ведомстве шерифа, которая организовала облет ранчо на вертолете – без полицейских опознавательных знаков, зато с инфракрасной камерой ночного видения. Полученные фотографии, явственно зафиксировавшие густо-красное тепловое излучение от построек, передали на рассмотрение судье в виде аффидевита^[2] наряду с заявлением помощника шерифа о покупке лампочек для гидропоники. На следующее утро Кейси разбудили судебные исполнители с ордером на обыск.

На более раннем слушании я доказывал, что все свидетельства против Кейси следует изъять из материалов дела, потому что вероятная причина обыска вытекала из нарушения права Кейси на частную жизнь. То, что заурядные покупки частного лица в магазине

скобяных товаров стали трамплином для последующего вторжения в частную жизнь посредством слежки с земли, с воздуха и с помощью камеры ночного видения, по конституции сочтут чрезмерным.

Судья Пауэлл отверг мои аргументы, и дело должно было разрешиться судебным процессом либо судебной сделкой. Тем временем появилась новая информация, которая могла увеличить шансы прошения Кейси об обжаловании. Анализ фотографий, сделанных камерой ночного видения во время облета жилища Кейси, выявил значительную детализацию изображения. А это свидетельствовало о том, что вертолет барражировал на расстоянии не более двух сотен футов от участка. Ранее Верховный суд США вынес решение, что разведывательный полет правоохранительных органов над владением подозреваемого не попирает права на частную жизнь лишь до тех пор, пока летательный аппарат находится в воздушном пространстве для гражданских судов. Я попросил своего сыщика Анхеля Левина проверить данные Федерального управления гражданской авиации.

Над ранчо не пролегла ни одна авиатрасса ни одного аэропорта. Минимальный уровень высоты полета гражданского авиатранспорта находился на высоте тысячи метров. Таким образом, помощники шерифа, пытаясь обосновать облаву, нарушили право Кейси на частную жизнь.

Теперь моей задачей было довести дело до суда и добиться от приставов и летчика свидетельских показаний о высоте полета над ранчо. Если скажут правду, то они у меня в руках. Если соврут – то же самое. Я не в восторге от идеи ставить в неловкое положение офицеров органов правопорядка на открытом заседании, но уповал на то, что они солгут. Если жюри присяжных видит, как коп лжет со свидетельской трибуны, дело вполне может сразу же и завершиться. Даже не придется просить суд об оправдательном вердикте.

В любом случае я был уверен в своей победе. Требовалось лишь дождаться суда, и только одно тормозило нас. То, о чем я как раз

собирался переговорить с Кейси, прежде чем выйдет судья и объявит наше дело.

Мой клиент ленивой походкой прошагал в угол «загона», поближе ко мне, даже не подумав поздороваться. Ну и я – тоже. Он знал, что мне от него нужно. У нас уже был разговор.

– Гарольд, сегодня у нас плановое слушание, – заговорил я. – Именно сейчас я должен сообщить судье, готовы ли мы к судебному разбирательству. Я уже знаю, что обвинение готово. Так что сегодня наша очередь объявить свое решение.

– Ну и?..

– Ну и есть проблема. В прошлый раз, когда мы здесь встречались, вы обещали, что я получу кое-какие деньги. Вот мы опять здесь, Гарольд, а денег нет.

– Не беспокойтесь. Ваши деньги у меня.

– Потому-то я и тревожусь. Мои деньги у вас. А должны быть у меня.

– Они на подходе. Я говорил вчера со своими парнями. Деньги будут.

– Вы говорили то же самое и в прошлый раз. Я не работаю бесплатно, Гарольд. Тот эксперт, к которому мне пришлось обратиться по поводу фотографий, тоже бесплатно не работает. Ваш аванс давно исчерпан. Мне нужны еще деньги, или ищите себе нового адвоката. Например, государственного защитника.

– Не надо государственного. Мне нужны вы.

– Ну а у меня есть судебные издержки, и я должен что-то есть. Вы знаете, во что обходится мне еженедельная оплата «Желтых страниц»? Догадайтесь.

Кейси ничего не ответил.

– В штуку баксов. В среднем штука в неделю – только для того, чтобы держать там мое рекламное объявление. А есть еще выплаты по закладной, расходы на питание, на содержание ребенка и на бензин для «линкольна». Я не могу расплачиваться одними обещаниями. На работу меня вдохновляет «зелень».

Похоже, на Кейси моя тирада не произвела впечатления.

– Я тут наводил справки, – сказал он. – Сейчас вам нельзя просто так от меня отказаться. На данном этапе. Судья вам не позволит.

Шум в зале затих – это из своего кабинета вышел судья и сделал два шага к судейской скамье. Судебный исполнитель призвал к порядку. Настал решающий момент. Я лишь посмотрел на Кейси долгим взглядом и отошел. Этот парень имел чисто обывательское, тюремное представление о законе и о том, как он действует. Надо сказать, по сравнению с большинством он был не так уж плохо подкован. Но его в этой области еще ожидали открытия.

Я занял место у стола защитника, у барьера, отделяющего собственно суд от остальной части зала. Первое объявленное к слушанию дело касалось пересмотра поручительства, поэтому вскоре секретарь объявил: «Народ штата Калифорния против Кейси», и я шагнул к столу.

– Майкл Холлер, представитель защиты, – сказал я.

Обвинитель также известил о своем присутствии. Это был молодой человек по имени Виктор Де Ври. Он, бедняга, и понятия не имел, что на него обрушится, когда начнется судебный процесс. Судья Ортон Пауэлл задал обычные вопросы: о том, не будет ли в последнюю минуту добровольного признания с отказом от дальнейшего рассмотрения в суде. У любого судьи всегда очень плотный график, и в первую очередь они стремятся избавиться от лишних дел посредством их досрочного разрешения. Меньше всего судья хотел бы услышать, что о соглашении речь не идет и что судебный процесс неизбежен.

Но Пауэлл довольно спокойно воспринял наши с Де Ври скверные новости и спросил, согласны ли мы назначить судебное разбирательство на эту же неделю. Де Ври был согласен, я – нет.

– Ваша честь, – сказал я, – мне бы хотелось отложить это до следующей недели, если возможно.

– В чем причина такой отсрочки, мистер Холлер? – с некоторым раздражением спросил судья. – Обвинение готово, и я тоже хочу

покончить с этим делом как можно скорее.

– Я в той же мере хочу с ним покончить, ваша честь, но у защиты есть проблема с установлением местонахождения одного важного свидетеля. Ключевого свидетеля, ваша честь. Я думаю, недельная отсрочка окажется достаточной. На следующей неделе мы сможем продолжить.

Как и следовало ожидать, Де Ври воспротивился отсрочке.

– Ваша честь, обвинение впервые слышит о недостающем свидетеле. У мистера Холлера было почти три месяца, чтобы его отыскать. Ведь именно он настаивал на безотлагательном судебном разбирательстве, а теперь его оттягивает. Я думаю, что это просто тактика проволочек, поскольку он стоит перед лицом такого...

– Вы можете изложить остальные доводы перед жюри присяжных, мистер Де Ври, – сказал судья. – Мистер Холлер, как вы считаете, неделя отсрочки решит вашу проблему?

– Да, ваша честь.

– Хорошо, тогда встретимся с вами и с мистером Кейси в следующий понедельник, но вы должны быть во всеоружии. Это понятно?

– Да, ваша честь. Спасибо.

Секретарь объявил следующее дело, и я отошел от стола защиты. И стал наблюдать, как судебный пристав выводит моего клиента из «загона». Кейси, оглянувшись, бросил на меня взгляд. Его лицо выражало смесь злости и замешательства. Я подошел к Ренальдо Родригесу и спросил, можно ли мне пройти в помещение для арестантов за залом суда, чтобы еще раз побеседовать со своим подзащитным. Такая услуга являлась профессиональной привилегией, предоставляемой большинству адвокатов – завсегдадаев этого суда. Родригес встал, отпер дверь у себя за спиной и провел меня внутрь. Я не забыл, говоря спасибо, правильно обратиться к нему по имени.

Кейси находился в камере временного содержания вместе еще с одним обвиняемым – тем, чье дело рассматривалось первым.

Камера была просторная, по двум ее стенам тянулись скамьи. Чем плохо, когда твое дело слушается одним из первых, так это тем, что потом приходится долго сидеть в этой клетке в ожидании остальных, пока не заполнится обратный автобус до окружной тюрьмы. Кейси подошел к решетке, чтобы поговорить со мной.

– О каком там свидетеле вы толковали? – потребовал он ответа.

– О мистере Грине^[3], – ответил я. – Мистер Грин – вот единственное, чего нам недостает, чтобы двигаться дальше.

Лицо Кейси исказилось гневом. Я постарался предупредить его выпад.

– Послушай, Гарольд, я знаю, что тебе надо сдвинуть дело с мертвой точки и довести его до суда, а потом – и до апелляции. Но по дороге ты должен оплатить фрахт. По собственному большому опыту я знаю: бесполезно требовать от кого-то деньги, когда птичка уже упорхнула. Так что хочешь вступить в игру – плати.

Я закончил и повернулся было к двери, но потом остановился.

– Только не думай, что судья сейчас не понял, о чем речь, – прибавил я. – У тебя молодой обвинитель, который от усердия землю носом роет и которому не надо беспокоиться, когда и откуда поступит его зарплата. Но Ортон Пауэлл, прежде чем занял судейскую скамью, много лет проработал в защите. Он знает, что такое гоняться за ключевым свидетелем вроде мистера Грина. И он, вероятно, не слишком благосклонно посмотрит на обвиняемого, который не платит своему адвокату. Я ему намекнул, Гарольд, что если захочу скинуть с себя это дело, то сделаю это. Но предпочитаю прийти сюда в следующий понедельник, встать перед судьей и сообщить, что мы отыскали нашего свидетеля и готовы двигаться дальше. Ты понимаешь?

Поначалу Кейси ничего не ответил. Он прошел в дальний угол камеры и сел на скамью.

– Мне нужен телефон, – сказал он, не глядя на меня.

– Звучит неплохо, Гарольд. Я сообщу об этом приставу. Позвони, а потом седи и терпеливо жди результата. Увидимся на следующей

неделе. Мы сдвинем это дело с мертвой точки.

Я быстро зашагал к двери. Терпеть не могу находиться внутри тюремного помещения. Сам не знаю почему. Видимо, потому, что иногда эта грань кажется такой тонкой. Грань между адвокатом преступника и адвокатом-преступником. Порой мне даже трудно определить, по какую сторону решетки нахожусь. Для меня это всегда смертельный номер со счастливым исходом – то, что я вышел из камеры тем же путем, что и вошел.

Глава 3

В коридоре, выйдя из зала суда, я опять включил сотовый и позвонил своему шоферу – сообщить, что выхожу. Потом проверил голосовую почту и обнаружил сообщения от Лорны Тейлор и Фернандо Валенсуэлы. Я решил не отвечать до тех пор, пока не окажусь в машине.

Мой водитель Эрл Бриггс подогнал «линкольн» прямо к выходу. Эрл не вышел из машины, не распахнул передо мной дверцу. Его задача состояла в том, чтобы просто возить меня, отработывая мой адвокатский гонорар за освобождение на поруки после обвинения в сбыте кокаина. Я платил ему за работу двадцать баксов в час, но половину этого удерживал в счет возмещения долга. Такое занятие, конечно, приносило ему меньше, чем торговля кокаином, но было законным, более безопасным, и он мог его в дальнейшем смело вносить в свое резюме. Эрл говорил, что хочет жить честно, и я ему верил.

Подходя к машине, я услышал басы хип-хопа. Но едва я коснулся дверной ручки, Эрл вырубил музыку. Я сел на заднее сиденье и велел ему ехать в Ван-Найс.

– Кого это ты сейчас слушал? – спросил я.

– Мм... «Три-шесть-мафия».

– «Грязный Юг»? ^[4]

– Точно.

По прошествии многих лет я научился различать разные направления рэпа и хип-хопа – региональные и прочие. Надо сказать, такую музыку слушали большинство моих клиентов, причем многие из них на основе рэпа строили свою жизнь.

Я наклонился и поднял коробку из-под ботинок, полную магнитофонных кассет по делу Бойлстона, и выбрал одну наугад. Я отметил номер кассеты и время в маленьком «бортовом журнале», который держу в той же обувной коробке, и передал кассету через

спинку сиденья Эрлу, а тот вставил ее в магнитолау. Мне не пришлось просить его уменьшить громкость настолько, чтобы она почти сравнялась с фоновым шумом. Эрл проработал у меня три месяца. Он знал, что делать.

Роджер Бойлстон был одним из тех подзащитных, которых назначал мне суд. Федеральные власти предъявили ему множество обвинений в торговле наркотиками. Отделение по борьбе с наркотиками в течение некоторого времени прослушивало его телефонные разговоры, что привело к аресту и конфискации шести килограммов кокаина, которые он намеревался распространить через дилерскую сеть. Имелись многочисленные магнитофонные записи – более пятидесяти часов телефонных разговоров с разными людьми: о том, какой товар на подходе и когда его ожидать. Он был легкой добычей для властей. Бойлстону, как ни крути, светило надолго отправиться за решетку, и я практически ничего не мог поделаться – кроме того, чтобы пойти на судебную сделку: более мягкий срок взамен на сотрудничество со следствием. Впрочем, все это не имело значения. Что было для меня важно – так это магнитофонные записи. Я взялся за дело именно из-за них. Федералы обязались платить мне за прослушивание пленок в порядке подготовки к защите моего клиента. Это означало, что, прежде чем все будет улажено по делу Бойлстона, со мной рассчитаются минимум за пятьдесят часов. Поэтому я позаботился, чтобы эти записи постоянно прокручивались, куда бы я ни ехал на своем «линкольне». Таким образом, если мне когда-нибудь придется свидетельствовать в суде, смогу с чистой совестью сказать, что прослушал каждую из этих кассет, за которые выставил счет дяде Сэму.

Сначала я перезвонил Лорне Тейлор. Лорна – мой менеджер. Телефонный номер ее офиса есть в моем объявлении в «Желтых страницах» и на тридцати шести автобусных остановках в районах с повышенным уровнем преступности, на юге и востоке округа. Сам же офис располагался в одной из спален ее частной квартиры в

жилом комплексе «Кингс-роуд» в Западном Голливуде. Этот же адрес известен членам калифорнийской коллегии адвокатов и секретарям судов как мой собственный.

Лорна – это мой первый рубеж. Чтобы добраться до меня, надо начинать именно с нее. Номер моего сотового доступен лишь немногим, и Лорна выступает в роли диспетчера. Она резка, умна, профессиональна и красива. Впрочем, в последнее время оценить это последнее качество я имею возможность лишь примерно раз в месяц – когда за ланчем подписываю чеки. Забыл сказать: она также и мой бухгалтер.

– Адвокатская контора, – ответила она, подняв трубку.

– Извини, я до сих пор был в суде, – сказал я, объясняя, почему ей не ответил. – Что случилось?

– Вэл до тебя дозвонился?

– Угу. Сейчас еду на юг, в Ван-Найс. Должен приехать туда к одиннадцати.

– Он звонил, чтобы убедиться, что ты успеешь. Судя по голосу, нервничает.

– Он считает, что этот парень – курица, несущая золотые яйца. Хочет удостовериться, что ему что-нибудь перепадет. Я позвоню ему, чтобы успокоить.

– Я кое-что проверила по Льюису Россу Руле. Кредитоспособность превосходная. В архивах «Таймс» имя встречается несколько раз в связи с операциями с недвижимостью. Кажется, он работает в риелторской фирме в Беверли-Хиллз, называется «Виндзорская жилищная собственность». Похоже, они занимаются разными эксклюзивными сделками – не такими домами, которые открыто выставляют на продажу.

– Это хорошо. Что-нибудь еще?

– По этому делу – нет. Как обычно, сижу на телефоне.

Что означало: она ответила на обычное количество звонков – от тех, кто узнал номер на автобусных остановках и из «Желтых страниц», то есть от людей, которым требовался адвокат. Прежде

чем звонящие попадали в поле моего зрения, им нужно было убедить Лорну, что они в состоянии оплатить то, о чем просят. Лорна – что-то вроде дежурной медсестры за конторкой в приемном покое. Вы должны предъявить ей действующую медицинскую страховку, и только потом она направит вас дальше – на осмотр к врачу. Рядом с телефоном у нее лежит тарифная сетка, где начальная сумма составляет фиксированные пять тысяч долларов – для арестованных за вождение в пьяном виде, а в конце почасовая оплата для обвиняемых в тяжких преступлениях. Лорна проверяет платежеспособность каждого потенциального клиента и высчитывает судебные издержки по делу. Говорят: не нарушай, если некогда сидеть. Лорна убеждена, что в данном случае поговорка должна звучать иначе: не нарушай, если нечем платить. Она принимает карточки «Мастер кард» и «Виза» и обязана получить подтверждение платежеспособности до того, как клиент выйдет на меня.

– Знакомый кто звонил? – спросил я.

– Да. Глория Дейтон из Твин-Тауэрс.

Я содрогнулся. Твин-Тауэрс – главная тюрьма города. В одной башне содержались женщины, в другой – мужчины. Глория Дейтон была дорогой проституткой, которая время от времени нуждалась в моих адвокатских услугах. Первый раз я представлял ее как минимум десять лет назад, когда она выглядела намного моложе, не употребляла наркотики и в глазах ее светилась жизнь. Сейчас я занимался ею, так сказать, на общественных началах. Я никогда не брал с нее денег. Просто старался убедить ее бросить такую жизнь.

– Когда ее арестовали?

– Сегодня ночью. Или, вернее, утром. Первая явка в суд назначена на сегодня, после обеда.

– Не знаю, успею ли я с этим ван-найссским делом.

– Есть небольшая проблема. Помимо обычных обвинений, еще хранение кокаина.

Я знал, что Глория искала клиентов исключительно через Интернет, где она регистрировалась на многочисленных сайтах как Глори Дейс^[5]. Она не стояла на панели и не ошивалась по барам. Если ее арестовывали, то обычно из-за того, что находящемуся под прикрытием офицеру полиции нравов удавалось обмануть ее систему проверки и назначить свидание. То, что у нее оказался при себе кокаин, означало, что Глория опустилась еще ниже или это полицейская подстава.

– Ладно, если она опять позвонит, скажи, что я постараюсь приехать. А если у меня не получится, то я попрошу кого-нибудь этим заняться. Ты не позвонишь в суд, чтобы уточнить время слушаний?

– Я как раз этим занималась. Но, Микки, когда ты наконец скажешь ей, что помогаешь в последний раз?

– Не знаю. Может, сегодня. Что там еще?

– А разве для одного дня не достаточно?

– Пожалуй, да.

Мы еще немного поболтали о моем расписании на эту неделю, и я раскрыл свой лэптоп на откидном столике, чтобы сверить ее календарь с моим. У меня было назначено по паре слушаний на каждое утро, а на четверг – судебный процесс на весь день. Все эти дела имели отношение к наркотикам, а клиенты проживали в южной части города. Мой хлеб с маслом. В конце разговора я сказал Лорне, что перезвоню ей после слушания в Ван-Найсе, чтобы известить, как продвинулось дело Руле.

– И последнее. Ты упомянула, что компания, где работает Руле, занимается эксклюзивной недвижимостью, так?

– Да. Все его сделки – на семизначные суммы, а иногда даже восьмизначные. Хомби-Хиллз, Бель-Эйр – такого типа жилье.

Про себя я отметил, что общественное положение Руле могло бы сделать его объектом интереса со стороны средств массовой информации.

– Слушай, а почему бы тебе не натравить на это Стикса?

- Ты серьезно?
- Да, возможно, это будет нам на руку.
- Сделаю.
- Созвонимся позже.

Когда я захлопнул телефон, мы ехали по автостраде долины Антилоп, направляясь на юг. Времени оставалось достаточно, я вполне успевал в Ван-Найс к тому моменту, когда Руле впервые предстанет перед судом. Я позвонил Фернандо Валенсуэле, чтобы поставить его в известность.

- Отлично, – ответил поручитель. – Тогда я жду тебя там.

Во время разговора я увидел, как мимо проехали два мотоциклиста в черных кожаных жилетах, на их спинах были нашивки с изображением черепа и нимба.

- Что-нибудь еще? – спросил я.

– Да, есть еще кое-что, о чем, вероятно, я должен тебе сообщить, – сказал Валенсуэла. – Я тут узнавал в суде насчет первой явки и выяснил, что дело было передано прокурору Мэгги Макфиерс. Не знаю, станет ли это для тебя проблемой.

Мэгги Макфиерс^[6], она же Маргарет Макферсон, являлась одним из самых жестких и несговорчивых – воистину свирепых – помощников окружного прокурора при суде Ван-Найса. Она также по странному совпадению являлась первой из двух моих бывших жен.

- Проблемы будут не у меня, а у нее, – без колебаний ответил я.

Дело в том, что обвиняемый имеет право выбрать удобного ему защитника. И если возникает конфликт интересов между защитником и обвинителем, именно обвинитель должен отступить. Я знал: Мэгги меня обвинит, что от нее уйдет дело, которое вполне может оказаться громким, – но тут уж я ничем не мог помочь. Такое случалось и раньше. В моем ноутбуке до сих пор хранилось ходатайство о ее отстранении, когда наши дорожки вот так же пересеклись. В случае необходимости мне останется только

заменить в тексте имя подзащитного и заново распечатать документ. Мне лучше остаться, ей лучше уйти.

Мотоциклисты уже ехали перед нами. Я обернулся и посмотрел назад. Там, вслед за машиной, двигалось еще три «харлея».

– Впрочем, ты ведь знаешь, то это значит? – спросил я.

– Нет, а что?

– Она будет выступать против освобождения под залог. Она всегда так делает, когда жертва преступления – женщина.

– Черт, а она может этого добиться? Я рассчитываю на приличный куш, дружище.

– Не знаю. Ты говорил, что у парня такая семья да еще Доббс. Может, что-нибудь из этого выйдет. Посмотрим.

– Черт!

Валенсуэла понимал, что у него из-под носа уплывает редкая возможность поживиться.

– Увидимся на месте, Вэл.

Я закрыл телефон и посмотрел через спинку сиденья, на Эрла.

– Давно с нами этот эскорт?..

– Только что подъехали, – сказал Эрл. – Хотите, чтобы я что-нибудь сделал?

– Давай узнаем, что им...

Мне не пришлось договаривать. Один из мотоциклистов, ехавших сзади, прибавил скорость и, оказавшись вровень с «линкольном», сделал знак свернуть к природному заповеднику Васкес-Рокс. Я узнал в байкере Тедди Фогеля, тоже моего бывшего клиента и лидера «Ангелов дорог». Вероятно, он был также и самым крупным среди них. Весил фунтов триста пятьдесят, не меньше, и производил впечатление толстого ребенка, севшего на велосипед младшего братишки.

– Съезжай с шоссе, Эрл, – сказал я. – Давай посмотрим, что там у него.

Мы остановились на парковке под острыми скалами, названными в честь преступника, который прятался здесь больше века назад^[7]. Я

увидел двоих людей, устроивших пикник на краю одного из самых высоких уступов. Не думаю, что я с удовольствием жевал бы сэндвич в таком неудобном и опасном месте.

Я опустил стекло, в то время как Тедди Фогель пешком направился ко мне. Остальные четверо «ангелов» заглушили двигатели, но остались на своих байках. Фогель наклонился и оперся о дверцу своей гигантской рукой. Я почувствовал, как машина накренилась на несколько дюймов.

– Господин адвокат, что там за проволочка с нашим делом? – спросил он.

– Все отлично, Тед, – сказал я, не желая использовать прозвище, которое ему дали в банде: Медведь. – А в чем дело?

– Что там с «конским хвостом»?

– Некоторым он не нравился, поэтому я его отстриг.

– Присяжным, да? Вот уж сборище самодовольных придурков, как я погляжу.

– В чем дело, Тед?

– Мне звонил Рецидивист, из ланкастерского «загона». Он сказал, хорошо бы перехватить вас по дороге на юг. Сказал, что вы тормозите его дело, «зелени» требуете. Это правда, господин адвокат?

Сказано это было буднично, непринужденно. Никакой угрозы в голосе или словах. Да я и не чувствовал, что мне угрожают. Два года назад дело Фогеля, когда ему вменяли похищение женщины приотягчающих обстоятельствах в виде словесных оскорблений и угроз физической расправы, я свел к обвинениям в нарушении общественного порядка. Медведь заправлял стриптиз-клубом на бульваре Сепульведа в Ван-Найсе – заведением, которым владели «Ангелы дорог». Арест произошел после того, как он узнал, что одна из его лучших танцовщиц уволилась и перешла работать в конкурирующий клуб, через дорогу. Фогель тогда перешел улицу вслед за ней, схватил ее в охапку прямо на сцене и отволок обратно. Надо сказать, что при этом девушка была голой. Проезжавший мимо

автомобилист вызвал полицию. Мое выступление в суде по этому делу стало одним из лучших за всю мою практику, и Фогель это знал. Так что в отношении меня он питал слабость.

– Он все правильно понял, – сказал я. – Я работаю за деньги. Если он хочет, чтобы я на него работал, то должен мне платить.

– Мы дали вам в декабре пять кусков.

– Они уже давно закончились, Тед. Больше половины ушло на эксперта, который должен свести доводы обвинения на нет. Остальное – оплата моих услуг, и я уже отработал эти часы. Если речь о том, чтобы довести дело до суда, тогда надо пополнить бензобак.

– Вы хотите еще пять?

– Нет, мне нужно десять, и я говорил об этом Рецидивисту на прошлой неделе. Судебный процесс продлится три дня, и мне придется доставить туда моего эксперта, который работает в фирме «Кодак», в Нью-Йорке. Я обязан покрыть его издержки, а ему требуется первый класс в воздухе и шато-мармон на земле. Похоже, он вбил себе в голову, что будет здесь пить в баре вместе с кинозвездами или что-то в таком духе. А такой отель стоит четыреста долларов в сутки, даже дешевые номера.

– Вы убиваете меня, господин адвокат. Куда подевался тот ваш лозунг, что написан в «Желтых страницах»: «Разумное сомнение по разумной цене»?

– Мне нравился этот лозунг. Он привлекал много клиентов, но не очень нравился калифорнийской коллегии адвокатов, и она заставила от него избавиться. Десять – вот моя цена, и она разумна, Тед. Если вы не хотите или не можете заплатить деньги, я сегодня сдаю документы в архив. Я выхожу из игры, и пусть обращается в департамент полиции, чтобы ему назначили государственного защитника. Я передам тому все материалы. Но полицейское ведомство вряд ли располагает таким бюджетом, чтобы оплачивать авиарейсы фотоэкспертам.

Фогель чуть подвинул локоть на дверце моей машины, и та опять качнулась под его весом.

– Нет-нет, мы хотим вас. Рецидивист для нас важен, вы же понимаете? Я хочу, чтобы он вышел на свободу и вернулся к работе.

Я наблюдал, как Тедди запустил руку за пазуху. Рука была такая мясистая, что на месте костяшек на пальцах виднелись одни ямочки. Когда он вытащил ее, ней находился толстый конверт, который он протянул мне в машину.

– Это наличные? – спросил я.

– Точно. А чем плохи наличные?

– Ничем. Но мне нужно дать вам расписку. Налоговая служба требует такой отчетности. Здесь все десять?

– Все здесь.

Я снял крышку с картонной коробки для документов, которую держу на сиденье рядом с собой. Книжечка с бланками находилась за папками с текущими делами. Я начал выписывать квитанцию. Большинство адвокатов, у которых отобрали лицензию, погорели как раз из-за финансовых нарушений. Небрежное делопроизводство или неоформленные деньги от клиентов, без уплаты налогов. Поэтому я аккуратно храню все отчеты и квитанции. Я никогда и ни за что не позволю, чтобы коллегия подобралась ко мне с этой стороны.

– Значит, они были при тебе всю дорогу, – усмехнулся я, выписывая бумажку. – А если бы я согласился на пять? Что бы ты стал делать тогда?

Фогель улыбнулся. У него не хватало одного из передних зубов внизу. Вероятно, результат драки в клубе. Он похлопал себя по груди с другой стороны.

– Здесь, справа, у меня другой конверт, уже с пятью штуками, господин адвокат. В разговоре с вами я подготовился к разным поворотам.

– Черт, теперь мне досадно, что не забрал у тебя все.

Я оторвал ему копию квитанции и вручил через окно.

– Она выписана на имя Кейси. Он мой клиент.

– Меня вполне устраивает.

Он взял квитанцию, снял руку с дверцы и выпрямился. Машина вернулась в нормальное положение. Я хотел спросить его, откуда поступили эти деньги, которое из предприятий криминального бизнеса их принесло. Пришлось ли сотне девушек танцевать сотню часов, чтобы он мог мне их заплатить. Но ответ на такой вопрос мне лучше не знать. Я смотрел, как Фогель вразвалочку идет к своему «харлею» и не без усилия перекидывает через сиденье ногу с мусорный бак толщиной. Я велел Эрлу выехать на автостраду и ехать в Ван-Найс, где мне теперь требовалось сделать остановку у банка, прежде чем направиться в суд на встречу со своим клиентом.

Пока мы ехали, я открыл конверт и пересчитал деньги: двадцати-, пятидесяти- и стодолларовые банкноты. Бензобак наполнили, теперь я был во всеоружии и готов заняться Гарольдом Кейси. Я доведу дело до суда и преподам урок его молодому обвинителю. Я выиграю – если не процесс, то уж апелляцию точно. Кейси вернется к своим «Ангелам дорог» – к своей семье и работе. Вопрос его виновности занимал меня меньше всего, когда я заполнял заявление на депозит для внесения гонорара на текущий счет.

– Мистер Холлер, – обратился ко мне Эрл спустя некоторое время.

– Что, Эрл?

– Тот человек, который прилетает из Нью-Йорка, эксперт... Мне надо будет встречать его в аэропорту?

Я покачал головой:

– Никакой эксперт из Нью-Йорка не прилетает. Лучшие в мире операторы и специалисты по фотографии живут здесь, в Голливуде.

Эрл задумчиво кивнул и встретился со мной взглядом.

– Понятно, – сказал он, вновь переводя взгляд на дорогу.

А я внутренне улыбался. Я не сомневался по поводу того, что говорил или делал. В этом состояла моя работа. Так функционировала эта система. После пятнадцати лет практики на ниве закона я стал рассуждать о нем в очень простых терминах. Он

представлял собой огромную ржавую машину, которая всасывала в себя людей, их жизнь и деньги. Просто вопрос механики. Я сделался знатоком того, как внедряться в эту машину, налаживать там что надо, а взамен извлекать то, что мне требовалось.

У меня больше не оставалось иллюзий в отношении закона – как чего-то такого, к чему бы я относился трепетно. Юрфаковские представления о преимуществах принципа состязательности в суде, о системе сдержек и противовесов, о поисках истины давным-давно были разъедены временем, как лица статуй древних цивилизаций. Закон не имел отношения к установлению истины, а касался лишь переговоров, умения торговаться и манипулирования. Я не имел дела с виной или невиновностью, потому что виновен тут был каждый. Хотя в чем-нибудь. Но это не имело значения, потому что каждое мое дело представляло собой здание, фундамент которого отливали переутомленные работники с неоправданно низкими зарплатами. Они ловчили и срезали углы. Они совершали ошибки. А потом замазывали эти оплошности ложью. Моя задача состояла в том, чтобы облупить эту краску и отыскать под ней трещины и бреши, запустить в них свои пальцы и инструменты и расширить настолько, чтобы либо дом обрушился вовсе, либо – если это не получится – мой клиент получил возможность выскользнуть.

Многие люди считали меня дьяволом, но они ошибались. Я был скользким, засаленным ангелом. Настоящим «ангелом дорог». Во мне нуждались. Причем обе стороны. Я служил смазкой в механизме. Я позволял шестеренкам крутиться. Я помогал поддерживать мотор системы в рабочем состоянии.

Но дело Руле должно было все изменить.

Для меня. Для него.

И конечно, для Хесуса Менендеса.

Глава 4

Льюис Росс Руле находился в камере при зале суда вместе с семью другими мужчинами, которых провезли на автобусе полквартила от тюрьмы Ван-Найса. В камере было только двое белых, и они сидели у одной стены, тогда как шестеро чернокожих занимали скамью напротив. Разновидность расовой сегрегации. Хотя все они не знали друг друга, но в сплоченности – сила.

Я посмотрел на белых мужчин, и, поскольку Руле предположительно являлся денежным мешком из Беверли-Хиллз, мне не составило труда провести различие между ними. Один был худой как щепка, с выражением отчаяния в слезящихся глазах сидящего на игле наркомана, который давно упустил свое время. Другой выглядел как загнанный олень в лучах прожекторов. Я выбрал второго.

– Мистер Руле? – обратился я к нему, произнося имя так, как велел Валенсуэла.

«Олень» кивнул. Я дал ему знак подойти к решетке, чтобы можно было говорить тихо.

– Мое имя Майкл Холлер. Можно звать меня Микки. Я буду представлять вас сегодня на вашем первом судебном заседании.

Мы находились в зоне ожидания, в задней части здания суда, куда адвокаты, как принято, допускаются без проблем, чтобы посоветоваться со своими клиентами перед началом заседания. На полу, перед камерами, с отступом на три фута была начерчена синяя линия. Именно на таком расстоянии мне пришлось держаться от своего клиента.

Метнувшись ко мне, Руле вцепился в решетку. Как и у других заключенных, на лодыжке, запястье и животе у него висели соединенные друг с другом цепи, которые снимали только перед залом суда. На вид ему было чуть за тридцать, и, несмотря на по меньшей мере шестифутовый рост и сто восемьдесят фунтов весу, он

казался худощавым. Так воздействует на человека тюрьма. В глазах его застыла непривычная для меня паника. Большинству моих клиентов не раз доводилось бывать в арестантской камере, и они имеют мертвенно-холодный взгляд хищника. По-другому в тюрьме не выживешь.

Но Руле оказался иным. Он выглядел не как хищник, а как испуганная жертва и не заботился о том, видит ли это кто-нибудь.

– Меня подставили, – сказал он громко и настойчиво. – Вы должны вытащить меня отсюда. Я просто выбрал не ту женщину, только и всего. Она пытается меня...

Я жестом прервал его.

– Следите за тем, что говорите, – приглушенно произнес я. – Вообще, будьте осторожнее в высказываниях до тех пор, пока не выйдете отсюда и не сможете беседовать в приватной обстановке.

Он огляделся, похоже не понимая.

– Никогда не знаешь, кто может подслушать, – пояснил я. – И никогда не знаешь, кто вас выдаст, – даже если вы ничего не говорили. Самое лучшее – вообще молчать о деле. Вы поняли? Лучше не болтать ни с кем и ни о чем. Точка.

Он кивнул, и я знаком велел ему сесть на скамью, поближе к решетке. Сам сел напротив.

– Пока я пришел просто познакомиться с вами. О деле поговорим, после того как мы вытащим вас отсюда. Я уже беседовал с вашим семейным адвокатом мистером Доббсом, и сейчас мы уведомим судью, что готовы внести залог. Все правильно?

Я открыл папку из дорогой кожи и приготовился делать записи во вставленном в нее блокноте. Руле кивнул. Он начинал учиться.

– Итак. Расскажите мне о себе. Сколько вам лет, женаты ли вы, какие у вас связи в обществе.

– Мм... мне тридцать два года. Я живу здесь всю жизнь – даже в школу ходил здесь. Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе... Не женат. Детей нет. Работаю в...

– Разведены?

– Нет, никогда не был женат. Работаю в нашей семейной фирме «Виндзорская жилищная собственность». Она названа в честь второго мужа моей матери. Занимаемся недвижимостью. Ее продажей.

Я делал заметки и, не поднимая глаз от блокнота, тихо спросил:

– Сколько денег вы заработали в прошлом году?

Когда Руле не ответил, я посмотрел на него.

– Зачем вам это знать? – спросил он.

– Потому что я собираюсь вытащить вас отсюда сегодня же, еще до захода солнца. Чтобы это сделать, мне нужно знать все о вашем статусе. Это включает и ваше финансовое положение.

– Я не знаю точно, сколько я заработал. Значительную часть этого принесли мои акции в компании.

– Вы что, не заполняете налоговую декларацию?

Руле глянул через плечо на сокамерников, а затем прошептал:

– Да, заполняю. По ней мой доход составил четверть миллиона.

– Вы хотите сказать, что, учитывая акции, ваш доход в действительности гораздо больше?

– Верно.

Один из сокамерников Руле подошел к решетке и встал рядом с ним – им оказался второй белый мужчина. Он был возбужден, руки находились в постоянном движении, судорожно хватались за бедра, за карманы, потом пальцы переплетались...

– Эй, мужик, мне тоже нужен адвокат. У тебя есть визитка?

– Не для тебя, приятель. Тебе дадут государственного защитника.

Я снова посмотрел на Руле и подождал секунду, чтобы наркоман отошел. Но тот не уходил. Я опять посмотрел на него:

– Послушай, приятель, у нас частный разговор. Не мог бы ты нас оставить наедине?

Наркоман опять сделал какое-то движение руками и зашаркал обратно в угол. Я вновь перевел взгляд на Руле.

– Как насчет благотворительных организаций? – спросил я.

– Что вы имеете в виду? – вздрогнул Руле.

– Вы занимаетесь благотворительностью? Делаете взносы, пожертвования?

– Да, фирма в этом участвует. Мы жертвуем в фонд «Загадай желание» и на приют для беспризорников в Голливуде. Мне кажется, он называется «Дом друга» или как-то так.

– Хорошо.

– Вы меня вытащите?

– Постараюсь. Против вас выдвинуто несколько тяжких обвинений – я специально уточнил это перед приходом сюда, – и у меня такое чувство, что прокурор будет ходатайствовать об отказе в поручительстве. То есть против освобождения вас под залог. Но это не так страшно. Я смог бы это уладить.

– Против освобождения под залог?! – воскликнул он в панике.

Все в камере посмотрели в его сторону, потому что это стало их коллективным кошмаром. Отказ в освобождении на поруки.

– Успокойтесь, – произнес я. – Я сказал, что она собирается выступить с таким ходатайством. Я не говорил, что вопрос решен. Когда вас в последний раз арестовывали?

Я всегда бросаю этот вопрос, чтобы иметь возможность понаблюдать за реакцией. Проверить, не ждет ли меня в суде сюрприз.

– Никогда. Меня никогда не арестовывали. Вся эта история просто...

– Знаю, знаю, но мы не будем беседовать об этом здесь, помните, о чем я вам сказал?

Он послушно кивнул. Я посмотрел на часы. Заседание суда должно было вот-вот начаться, а меня еще ждал разговор с Мэгги Макфиерс.

– Мне уже пора идти. Увидимся через несколько минут в зале суда, а потом подумаем, как вас вызволить. Там не говорите ничего, пока не посоветуетесь со мной. Даже если судья спросит вас, как выживаете, не отвечайте, пока я не дам «добро». Ясно?

– А разве мне не надо будет сказать, что я невиновен?

– Нет, вас даже не станут об этом спрашивать. Сегодня просто зачитают то, что вам инкриминируется, поговорят об освобождении под залог и назначат дату предьявления обвинения. Вот тогда мы и будем заявлять о невиновности. Так что сегодня молчите. Никаких выступлений. Вы поняли?

Он нахмурился, но согласился.

– Вы справитесь, Льюис?

Он угрюмо кивнул.

– Теперь просто для сведения. За такое судебное слушание – где происходит первое появление арестованного в суде и обсуждается поручительство – я беру две пятьсот. У вас будут с этим проблемы?

Он отрицательно покачал головой. Мне понравилось, что он не болтлив. Большинство моих клиентов слишком разговорчивы. Обычно они добалтываются напрямик до тюрьмы.

– Прекрасно. Остальное мы сможем обсудить, когда вы выйдете отсюда, при встрече в приватной обстановке.

Я захлопнул свою кожаную папку, надеясь, что он ее заметил и остался под должным впечатлением.

– И последнее, – сказал я, вставая. – Почему ваш выбор пал на меня? Есть множество других адвокатов. Почему именно я?

Этот вопрос не имел большого значения для наших взаимоотношений, но я хотел проверить правдивость слов Валенсуэлы.

– Не знаю, – пожал плечами Руле. – Я вспомнил ваше имя по каким-то сообщениям в газетах.

– Что именно вы читали?

– Заметку о судебном процессе, где вам удалось исключить из дела улики против какого-то человека. Мне кажется, дело касалось наркотиков или что-то в этом роде. Вы выиграли, потому что в итоге не осталось ни одной улики.

– Дело Хендрикса?

Насколько я помнил, за последние несколько месяцев газеты писали только об этом деле. Хендрикс был еще одним клиентом из

шайки «Ангелы дорог», и ведомство шерифа поставило на его «харлее» жучок системы «Джи-пи-эс», чтобы проследить за поставками наркотиков. Когда это проделывается на дорогах, тут все в порядке, но когда ночью он парковал мотоцикл в кухне своего дома, жучок представлял собой противоправное вторжение со стороны полиции. Судья закрыл дело в ходе предварительного слушания. Оно вызвало неплохой резонанс в «Лос-Анджелес таймс».

– Не помню, как звали клиента, – сказал Руле. – Просто вспомнил ваше имя. Точнее, вашу фамилию. Когда я звонил сегодня по поводу залога, то назвал фамилию Холлер, просил связаться с вами и позвонить моему поверенному. А что?

– Ничего. Простое любопытство. Я ценю то, что вы мне позвонили. Увидимся в зале суда.

Я мысленно отметил расхождения в показаниях Руле и Валенсуэлы о том, как я получил это дело, и, оставив их для последующего рассмотрения, направился обратно, в зал суда. Там я увидел Мэгги, сидящую за столом обвинения с краю. Кроме нее, за ним сидели еще пять прокуроров. Стол был большой, в форме буквы «Г», за ним могло поместиться все множество сменяющих друг друга юристов, сидя тем не менее лицом к судье. Как правило, большинством рутинных слушаний, связанных с первой явкой в суд или предъявлением обвинения, занимался прокурор, прикрепленный к данному конкретному залу. В особых случаях появлялись шишки вроде Мэгги – из канцелярии окружного прокурора, со второго этажа соседнего здания. Подобный же эффект имели и телекамеры.

Пройдя за барьер, я увидел человека, прилаживающего видеокамеру на штатив рядом со столом судебного пристава. Ни на камере, ни на одежде мужчины не наблюдалось никаких опознавательных знаков той или иной телевизионной компании. Просто какой-то журналист учуял громкое дело и намеревался потом продать видеоматериал. Когда ранее я справлялся у судебного

пристава, под каким номером будет рассматриваться дело, он также сообщил мне, что судья уже санкционировал съемку.

Мэгги рассматривала фотографии в досье. На ней прекрасно сидел темно-синий костюм в тонкую серую полоску, а волосы цвета воронова крыла были перевязаны сзади серой лентой, в тон полосе. Мне нравилось, когда она забирала волосы вот так, назад. Я подошел к своей бывшей жене и, наклонившись через плечо, шепнул на ухо:

– Это вы бывший обвинитель по делу Руле?

Она подняла голову, не разобрав, кто к ней обращается. Увидев меня, нахмурилась и резко захлопнула папку.

– Нет! Только не это! – воскликнула она, прекрасно поняв, что я имел в виду.

– Извини. Ему понравилось, как я выиграл дело Хендрикса, и он позвонил мне.

– Этот сукин сын! Мне очень важно вести это дело, Холлер. Уже второй раз ты подкладываешь мне такую свинью.

– Видимо, этот город недостаточно велик для нас обоих, – сказал я, скверно имитируя героя популярного телесериала.

Мэгги лишь застонала в отчаянии.

– Ну хорошо, – сказала она, сдаваясь. – Я мирно удалюсь после слушания. Если ты не возражаешь и против этого.

– Мог бы и возразить. Ты ведь собираешься помешать его освобождению под залог?

– Верно. Но мое отстранение ничего не изменит. Это была директива со второго этажа.

Я понял. Это означало, что человек из ведомства окружного прокурора, контролирующей ход дела, видимо, дал команду воспрепятствовать освобождению этого арестованного на поруки.

– У него положение и вес в обществе. И он никогда не привлекался.

Я изучал ее реакцию, поскольку ранее не имел возможности проверить истинность утверждения Руле, что его прежде не

арестовывали. Всегда достойно изумления, до чего же много клиентов врут о своих прежних взаимоотношениях с законом, хотя эта ложь не имеет никакого смысла.

Но Мэгги никак не показала, что располагает какими-то другими сведениями. Возможно, мой подзащитный был действительно кристально чист.

– Не имеет значения, совершал ли он что-либо ранее, – сказала Мэгги. – Важно только то, что он совершил минувшей ночью.

Она открыла досье и стала быстро пролистывать фотографии, пока не нашла нужную.

– Вот что твой столп общества натворил вчера вечером. Так что меня совершенно не интересует его социальный статус. Я просто должна быть уверена, что он не выйдет и не сделает это вновь.

Фото размером восемь на десять дюймов изображало женское лицо крупным планом. Опухоль вокруг правого глаза была такой огромной, что он совсем заплыл. Нос сломан и свернут на сторону. Из каждой ноздри торчал пропитанный кровью марлевый тампон. Шов в девять стежков крест-накрест покрывал глубокую рану над правой бровью. Нижняя губа была рассечена и тоже раздулась. Страшнее всего выглядел глаз, что остался неповрежденным. Женщина смотрела в объектив камеры с испугом, болью и унижением, отчетливо читаемыми в этом одном, наполненном слезами глазу.

– Если только все это сделал именно он, – заметил я, потому что так мне полагалось.

– Ну еще бы! – отозвалась Мэгги. – Конечно, если только это сделал именно он. Ведь его всего-навсего арестовали в ее квартире, с руками, выпачканными в ее крови. Но ты прав, сомнение обоснованно.

– Мне нравится, когда ты саркастична. У тебя с собой отчет об аресте? Мне бы хотелось получить экземпляр.

– Ты можешь попросить его у того, кто примет у меня дело. Никаких одолжений, Холлер. Не тот случай.

Я подождал, ожидая новых шпилек, новых вспышек негодования, может, нового града стрел, но она больше ничего не сказала. Решил, что пытаться вытянуть из нее что-то по делу –дохлый номер. Я сменил тему.

– Ну ладно, – сказал я. – Как она?

– Безумно перепугана и чертовски страдает от боли. Как же еще?

Она подняла на меня взгляд, и я уловил в ее глазах молниеносную догадку и тут же, вслед, – осуждение.

– Ты ведь спросил не о жертве, не правда ли?

Я не ответил – не хотел ей лгать.

– У твоей дочери все прекрасно, – сказала она небрежно. – Ей нравятся вещи, которые ты ей присылаешь, но она бы предпочла, чтобы ты немного чаще показывался сам.

Это был уже не град стрел, а прямой удар, причем заслуженный. Получалось так, что я всегда куда-нибудь мчался по делам, даже в выходные. Внутренний голос говорил мне, что надо больше внимания уделять собственной жизни – например, родной дочери. Наше время безвозвратно уходило.

– Я знаю, – сказал я. – Начну прямо сейчас. Как насчет этих выходных?

– Прекрасно. Хочешь, чтобы я сообщила ей об этом сегодня вечером?

– Э... может, подождем до завтра, чтобы я знал точно?

Она понимающе кивнула: мол, мы уже все это проходили.

– Прекрасно. Дай мне знать завтра.

На этот раз я не порадовался ее сарказму.

– Ей что-нибудь нужно? – смиренно спросил я, стараясь загладить вину.

– Я уже сказала. Чтобы ты больше присутствовал в ее жизни.

– Ладно, обещаю.

Она не ответила.

– Я серьезно, Мэгги. Я позвоню тебе завтра.

Она подняла на меня взгляд, уже готовая дать по мне залп из обоих орудий. Она делала это и раньше, говоря, что, когда дело касается отцовских обязанностей, я только болтаю и ничего не делаю. Но меня спасло начавшееся судебное заседание. Из кабинета вышел судья и поднялся по ступенькам к своему месту. Судебный исполнитель призвал присутствующих к порядку. Не сказав больше Мэгги ни слова, я отошел от стола обвинителей и сел на одно из мест у барьера.

Судья спросил секретаря, нет ли каких дел, которые надо обсудить, прежде чем в зал выведут задержанных. Таковых не оказалось, и судья распорядился запустить первую группу. Как и в Ланкастере, в здешнем зале суда имелась большая изолированная площадка за стеклянной перегородкой, куда временно помещали арестованных. Я встал и подошел к проему в стеклянном ограждении. Увидев выходящего Руле, махнул ему рукой, чтобы тот подошел поближе.

– Вы идете первым, – сообщил я. – Я попросил судью в порядке одолжения пустить вас вне очереди. Хочу попытаться вызволить вас отсюда.

Я лгал. Ни о чем я не просил судью, а даже если и так, тот не стал бы в порядке одолжения делать для меня ничего подобного. Руле шел первым из-за присутствия в зале суда прессы. То была обычная практика – разбирать дела, вызывающие интерес СМИ, в первую очередь в качестве некой любезности по отношению к телеоператорам, которые потом спокойно могли отправиться по своим делам. Это также требовалось для снятия напряженной атмосферы в зале суда, чтобы потом адвокаты, ответчики и даже судья чувствовали себя спокойно.

– Зачем там камера? – панически прошептал Руле. – Это из-за меня?

– Да. Кто-то накапал ему по поводу вашего дела. Если не хотите попасть в объектив, попробуйте спрятаться за мной.

Руле чуть переместился, так чтобы его не видел оператор, находящийся на другом конце зала. Это уменьшало шансы репортера продать сюжет местному новостному каналу – что, конечно, было бы хорошо. И даже если бы он смог это сделать, в фокусе картинки оказался бы я. И это тоже меня устраивало.

Дело Руле объявили к рассмотрению, при этом секретарь, конечно, переврал его имя. Мэгги известила о своем присутствии от имени обвинения, затем выступил я. Мэгги, как обычно, зависила обвинения, оправдывая свое прозвище. Руле наряду с попыткой изнасилования инкриминировалась теперь и попытка убийства. Это облегчало задачу прокурора отказать в поручительстве.

Судья зачитал Руле его конституционные права и назначил дату заседания для официального предъявления обвинения – двадцать первое марта. Выступая от имени своего подзащитного, я обратился к суду со встречной просьбой разрешить освобождение арестованного на поруки, после чего последовало энергичное препирательство между мной и Мэгги под руководством судьи, который знал, что мы были прежде женаты, потому что присутствовал на нашей свадьбе. Пока Мэгги перечисляла увечья, нанесенные потерпевшей, я, в свою очередь, напирал на положение Руле в обществе, его благотворительную деятельность и даже указал на присутствовавшего в зрительских рядах Си-Си Доббса, предложив вызвать его на свидетельское место, дабы он подтвердил, что Руле находится на хорошем счету. Доббс был моим козырем. Его статус в профессиональных кругах затмевал общественное положение Руле и, безусловно, мог повлиять на судью, который удерживался на своем посту благодаря поддержке избирателей – равно как и спонсоров избирательной кампании.

– Все дело в том, ваша честь, что гособвинение в лице штата не в состоянии аргументировать справедливость своего отказа в поручительстве. Оно не может доказать, что данный человек представляет опасность для общества или намеревается скрыться от правосудия, – сказал я в заключение. – Мистер Руле является

благонадежным членом общества и не намерен предпринимать ничего агрессивного – разве что решительно разбить те ложные обвинения, которые против него выдвинули.

Я употребил слово «разбить» намеренно, на тот случай, если заявление прозвучит в эфире и его услышит пострадавшая.

– Ваша честь, – ответила Мэгги, – предлагаю оставить в стороне громкие фразы. Не следует забывать, что жертву зверски...

– Мисс Макферсон, – прервал ее судья, – я думаю, мы уже достаточно дискутировали на эту тему. Мне известно о травмах жертвы – так же как и об общественном положении мистера Руле. Кроме того, у меня сегодня плотный график. Я намерен назначить залог в размере одного миллиона долларов, а также потребовать, чтобы за мистером Руле установили судебный надзор и обязали его отмечаться раз в неделю. Если он пропустит хоть один раз, то лишится своей свободы.

Я бросил взгляд на зрительские места, где рядом с Фернандо Валенсуэлой, на первом сиденье в первом ряду, сидел Доббс. Я ждал от него сигнала, стоит ли мне согласиться с определением судьи о сумме залога или еще поторговаться. Порой, когда судья идет тебе навстречу, излишнее давление с целью выторговать больше – или в данном случае меньше – может дать обратный эффект.

Доббс был худым мужчиной, брившим голову, чтобы скрыть плешь. Его худоба особенно выделялась на фоне впечатляющих размеров Валенсуэлы. Я увидел, что Доббс попросту встал и направился к выходу, и воспринял это как знак не высовываться лишний раз, позволив семейству Руле заплатить залог.

Я снова повернулся к судье:

– Спасибо, ваша честь.

Секретарь тут же объявил следующее дело. Я взглянул на Мэгги. Она как раз захлопнула папку с делом, по которому ей больше не придется выступать обвинителем. Потом встала и, пройдя через ограждение, зашагала по проходу прочь из зала суда. Она ни с кем не заговорила и не обернулась, чтобы взглянуть на меня.

– Мистер Холлер?

Я посмотрел на своего клиента. Сзади к нему подходил судебный пристав, чтобы увести в камеру. Затем его должны были отвезти на автобусе через полквартала в тюрьму, а несколько позже, в зависимости от того, насколько оперативно сработают Доббс и Валенсуэла, выпустить под залог.

– Сейчас мы с Доббсом займемся вашим освобождением, – сказал я. – Потом соберемся все вместе и поговорим о нашем деле.

– Спасибо, – сказал Руле, в то время как его уводили. – Спасибо, что приехали.

– Помните мои слова. Не разговаривайте с посторонними. Вообще ни с кем не разговаривайте.

– Да, сэр.

Его увели, и я тоже стал собираться. Валенсуэла ждал меня с широкой улыбкой на лице. Назначенный за Руле залог был, вероятно, самым крупным в его практике. Когда я вышел из-за барьера, он похлопал меня по плечу:

– Ну, что я тебе говорил? Мы много с этого поимеем, босс.

– Посмотрим, Вэл, – сказал я. – Посмотрим.

Глава 5

Каждый адвокат, задействованный в судебной машине, имеет два прейскуранта оплаты. Существует шкала А, куда входят суммы вознаграждений, которые адвокат желал бы получить за оказанные им услуги. Есть также шкала В – эти деньги он согласен взять, потому что большего клиент себе позволить не в состоянии. Привилегированный клиент – это тот, кто намерен довести дело до судебного процесса и у кого достаточно денег, чтобы заплатить адвокату по расценкам прейскуранта А. Первоначальная явка в суд первой инстанции, процедура предъявления обвинения, предварительное судебное слушание и сам процесс и последующая апелляция – все это сотни, если не тысячи оплачиваемых часов. Клиент может заправлять адвокатский бензобак в течение двух, а то и трех лет. В тех джунглях, где я охочусь, такие клиенты представляют собой редчайшую и самую желанную добычу.

Казалось, Валенсуэла здесь попал в точку. Льюис Руле все больше походил на привилегированного клиента. До этого у меня был сезон засухи. Прошло уже почти два года с тех пор, как я имел хоть какое-то отношение к судебному делу, где фигурировали бы шестизначные суммы. Часто случалось, что планка сначала устанавливалась высоко, но клиенту так и не удавалось взять эту высоту.

Когда я вышел из зала суда, Си-Си Доббс ждал меня снаружи, в холле. Он стоял у окна во всю стену, выходящего на небольшую площадь административного центра. Я быстрым шагом пошел к нему. На выходе из зала я опередил Валенсуэлу и хотел использовать это время, чтобы без помех поговорить с Доббсом.

– Извините, – сказал Доббс, прежде чем я успел заговорить. – Я не мог больше оставаться там ни минуты. Так угнетающе видеть мальчика запертым в этот «загон» для скота.

– Мальчика?

– Льюиса. Я представляю их семью в течение двадцати пяти лет и, пожалуй, действительно все еще думаю о нем как о мальчике.

– У вас есть средства, чтобы вытащить его отсюда?

– С этим не будет проблем. Мне надо только связаться с матерью Льюиса, чтобы узнать, в какой форме она предпочтет это осуществить: предоставить в качестве залога недвижимость или подписать долговое обязательство.

Для того чтобы отдать в залог имущество на один миллион долларов, нужно проверить, что оно уже не заложено. Вдобавок суд может потребовать оценки стоимости недвижимости, что займет не один день, а Руле тем временем будет торчать в тюрьме. Долговое же обязательство оформляется через Валенсуэлу, за десять процентов комиссионных, которые не возвращаются. Они останутся Валенсуэле в возмещение его рисков и хлопот, и именно это было причиной его широкой улыбки в зале суда. После уплаты налога у него в чистом виде осталось бы около девяноста кусков. И он вполне резонно беспокоился, чтобы я не забыл про него.

– Могу я внести предложение? – спросил я.

– Будьте так любезны.

– Льюис несколько пал духом. На вашем месте я бы вытащил его как можно скорее. Для того чтобы это сделать, вам следует через Валенсуэлу выписать поручительство. Это будет стоить вам сотню кусков, но мальчик окажется на свободе, в целости и сохранности. Вы понимаете, что я имею в виду?

Доббс повернулся к окну и облокотился о перила, тянущиеся вдоль стены. Я посмотрел вниз и увидел, что площадь наполняется людьми с красно-белыми именными жетонами, которые, как я знал, выдаются присяжным заседателям.

– Я понимаю, что вы имеете в виду.

– Далее, в делах такого рода часто задействуют стукачей.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду других заключенных, которые скажут, что слышали, как кто-то что-то говорил. Особенно в делах, которые

попадают в средства массовой информации. Они возьмут эту информацию из новостей и представят так, будто ее выдал наш парень.

– Это же противозаконно! – возмутился Доббс. – Этого нельзя допускать!

– Да, я знаю, но такое случается. И чем дольше он будет здесь сидеть, тем больше возможностей для таких людей.

К нам подошел Валенсуэла и молча встал рядом, возле перил.

– Я предложу ей внести залог, – сказал Доббс. – Я уже звонил, но она была на совещании. Как только перезвонит, мы двинемся дальше.

Его слова вновь вызвали в памяти нечто раздражавшее меня во время слушания.

– Она не могла прервать совещание, чтобы поговорить о своем сыне, попавшем в тюрьму? Я как раз задался вопросом, почему она не присутствовала в зале суда, если этот мальчик, как вы его называете, так чист и искренен.

Доббс поглядел на меня как на зачумленного.

– Миссис Виндзор очень влиятельная и занятая женщина. Уверен: если бы я сказал, что ее сын в критической ситуации, она бы немедленно подошла к телефону.

– Миссис Виндзор?

– Она вторично вышла замуж после развода с отцом Льюиса. Давняя история.

Я кивнул и понял, что мне еще есть о чем поговорить с Доббсом. Но не в присутствии Валенсуэлы.

– Вэл, почему бы тебе не уточнить, когда Льюиса повезут обратно в тюрьму Ван-Найса, чтобы ты мог заняться его освобождением?

– Я уже знаю, – сказал Валенсуэла. – Он отправится первым автобусом после ланча.

– Да, но все-таки сходи проверь еще раз, пока я закончу с мистером Доббсом.

Валенсуэла уже собрался возразить, что ему незачем проверять еще раз, как вдруг сообразил, в чем дело.

– Ладно, – сказал он. – Пойду проверю.

Когда он ушел, я некоторое время изучающе смотрел на Доббса, прежде чем заговорить. Семейный адвокат выглядел лет на шестьдесят, вид у него был почтенный, чему, вероятно, способствовала тридцатилетняя практика работы с богатыми людьми. Я догадывался, что его деятельность приносит ему немало денег, но это не изменило его манеры держаться.

– Если мы будем работать вместе, полагаю, мне следует спросить, как вас называть. Сесил? Си-Си? Мистер Доббс?

– Сесил прекрасно подойдет.

– Что ж, мой первый вопрос, Сесил, в следующем: будем ли мы работать вместе? Я принят на эту работу?

– Мистер Руле ясно довел до моего сведения, что он хочет, чтобы вы занимались этим делом. По правде сказать, я бы не остановил на вас свой выбор. Вы вообще не значились в моем списке, потому что, откровенно говоря, я никогда о вас не слышал. Однако именно вас в первую очередь назвал мистер Руле, и я не стал возражать. В сущности, я считаю, что вы прекрасно показали себя в зале суда, особенно учитывая, насколько враждебна была настроена в отношении мистера Руле обвинитель.

Я заметил, что «мальчик» уже превратился в «мистера Руле». Я спросил себя, что же так возвысило его в глазах Доббса.

– Да, ее называют здесь Мэгги Макфиерс. Она очень предана своему делу.

– Думаю, она немного переборщила. Как вы считаете, есть какой-то способ отстранить ее от дела, как вариант – заменить кем-то чуть более... приземленным?

– Не знаю. Попытка повлиять на обвинителей может оказаться опасной. Но если вы думаете, что от нее лучше избавиться, я мог бы это устроить.

– Прекрасно. Жаль, что я не слышал о вас раньше.

– Возможно. Не хотите ли сразу поговорить об оплате, чтобы покончить с этим?

– Если вам угодно.

Я оглядел коридор, дабы удостовериться, что поблизости нет других адвокатов. Ведя этот разговор, я намеревался следовать преискуранту А.

– Итак, за сегодняшний день я получу двадцать пять сотен, и Льюис уже дал на это согласие. Если далее вы захотите придерживаться почасовой схемы, то я беру три сотни в час и этот тариф увеличивается до пяти во время судебного процесса, поскольку иначе я просто не смогу работать. Если вы предпочтете фиксированную оплату, то моя цена шестьдесят тысяч – в том случае, если я принимаю дело на данном этапе и провожу его через предварительное слушание. Если мы заканчиваем судебной сделкой о признании подсудимым своей вины, с автоматическим отказом от дальнейшего рассмотрения дела в суде, то я возьму сверх того еще двенадцать. Если мы доходим до судебного процесса, то еще шестьдесят в день принятия этого решения и еще двадцать пять, когда приступим к отбору присяжных. Судя по обстоятельствам дела, судебный процесс займет не более недели, включая отбор присяжных, но если этот срок увеличится, я беру двадцать пять сотен в неделю дополнительно. Об апелляции поговорим, если возникнет такая необходимость.

Я выждал паузу, чтобы посмотреть, как Доббс отреагирует. На его лице ничего не отразилось, поэтому я поддал жару:

– Кроме того, еще до конца сегодняшнего дня мне потребуется тридцать тысяч авансом плюс десять для моего детектива. Я не желаю терять время и хочу, чтобы сыщик приступил к работе над делом прежде, чем оно просочится в СМИ и копы проболтаются кому-то из заинтересованных лиц.

Доббс медленно кивнул:

– Это ваша обычная цена?

– Всегда, когда возможно. Я того стою. Во сколько вы оцениваете свою работу семейного адвоката, Сесил?

Я был уверен, что небольшой семейный эпизод не оставит его с пустыми руками.

– Это касается только меня и моего клиента. Но не беспокойтесь. Я включу обсуждение ваших гонораров в свою беседу с миссис Виндзор.

– Отрадно слышать. И помните, мне нужно, чтобы мой детектив приступил к работе сегодня же.

Я протянул ему визитную карточку, которую вынул из правого кармана пиджака. В этих карточках указывался мой личный телефонный номер. На визитках из левого кармана значился номер, по которому можно было соединиться с Лорной Тейлор.

– У меня сегодня еще одно слушание, – сказал я. – Когда он окажется на свободе, мы договоримся о времени встречи. И желательно как можно скорее. Со мной можно связаться во второй половине дня и вечером.

– Прекрасно, – сказал Доббс, убирая карточку в карман, даже не взглянув на нее. – Нам приехать к вам?

– Нет, я к вам приеду. Хотелось бы посмотреть, как живут в многоэтажках Сенчури-Сити.

Доббс улыбнулся с любезной непринужденностью:

– Судя по вашему костюму, вы знаете и претворяете в жизнь присловье, что судебный защитник не должен очень хорошо одеваться. Ведь он хочет, чтобы присяжные прониклись к нему симпатией, а не завистью. Что ж, Майкл, адвокат из Сенчури-Сити тоже не может позволить себе офис лучше, чем у его клиентов. Так что могу вас заверить: наши конторы очень скромны.

– Приятно слышать, – с той же непринужденностью улыбнулся я.

Тем не менее он меня задел. На мне был мой лучший костюм. Я всегда надеваю его по понедельникам.

Дверь зала суда открылась, и из нее в коридор вышел оператор, он тащил видеокамеру и сложенную треногу. Доббс увидел его и

мгновенно напрягся.

– Пресса, – проговорил он. – Как нам это уладить? Миссис Виндзор не...

– Подождите секунду.

Я окликнул оператора, и тот направился к нам. Я тут же протянул ему руку. Ему пришлось опустить свою треногу и ответить на рукопожатие.

– Меня зовут Майкл Холлер. Я видел вас в зале суда, когда вы снимали первый суд моего клиента.

То, как я представился, служило определенным паролем.

– Роберт Джиллен, – сказал оператор. – Друзья зовут меня Стикс^[8]. – Он кивнул на штатив в качестве пояснения.

То, что Стикс назвал свое имя и фамилию, было также паролем. Он давал мне понять, что действует по определенному сценарию.

– Вы здесь на фрилансе или от какой-то телевизионной компании? – спросил я.

– Я действую на свой страх и риск.

– Как вы узнали об этом деле?

Он пожал плечами, словно не хотел отвечать.

– Есть источник. Коп.

Я понимающе кивнул. Джиллен был своим и играл по правилам.

– Сколько вы получите за свой материал, если продадите его новостному каналу?

– Бывает по-всякому. Я беру семьсот пятьдесят за эксклюзивный материал и пятьсот за обычный.

«Обычный» означало, что режиссер информационной программы, покупающий у него запись, знает, что тот имеет право продать отснятый материал конкурирующему каналу. Я обратил внимание, что Джиллен вдвое повысил свои обычные расценки. Хороший ход. Вероятно, пока снимал, он слушал, что говорилось в зале суда.

– Вот что, – сказал я. – Как вы смотрите на то, что мы прямо сейчас купим у вас материал по цене эксклюзивного?

Джиллен держался превосходно. Он помялся в нерешительности, как если бы сомневался в этическом аспекте предложения.

– Ну хорошо, пускай будет тысяча, – добавил я.

– Ладно, – сдался он. – Пленка ваша.

Пока Джиллен ставил камеру на пол и вынимал из нее пленку, я вытащил из кармана пачку наличных и отложил двенадцать сотен из «ангельских» денег, что дал мне по дороге Тедди Фогель. Потом повернулся к Доббсу:

– Могу я это израсходовать?

– Вне всякого сомнения, – заверил он, широко улыбаясь.

Я обменял наличные на пленку и поблагодарил Стикса. Тот убрал деньги в карман и зашагал в направлении лифтов счастливым человеком.

– Замечательно, – сказал Доббс. – Нам необходимо во что бы то ни стало воспрепятствовать огласке. Эта пленка могла бы буквально уничтожить семейный бизнес, попади она... По правде сказать, полагаю, это одна из причин, по которой миссис Виндзор отсутствовала сегодня. Она не хотела, чтобы ее узнали.

– Что ж, если история получит дальнейшее развитие, нам придется это обсудить. В то же время я сделаю все, что в моих силах, дабы избежать огласки.

– Спасибо.

Его сотовый начал вызванивать какую-то мелодию – Баха или Бетховена, а может, еще какого-нибудь классика, – не защищенную авторским правом, и Доббс, вытащив аппарат из кармана пиджака, посмотрел на маленький экран.

– Это она.

– Тогда я вас оставлю.

Удаляясь, я слышал, как Доббс говорит:

– Мэри, все под контролем. Нам надо сосредоточить усилия на том, чтобы освободить его из-под ареста. Потребуется небольшая сумма...

Вызвав лифт, я думал о том, что имею дело с клиентом и семьей, для которых один миллион долларов – «небольшая сумма», а для меня – абсолютно непостижимая. Мои мысли скользнули назад, к комментарию, который Доббс высказал по поводу моего клиента. Вообще-то говоря, у меня в гардеробе не было костюма дешевле шестисот долларов и я всегда чувствовал себя хорошо и уверенно в любом из них. Меня интересовало, сказал ли он это, чтобы оскорбить, или же имел какие-то иные намерения – возможно, пытался уже сейчас, на ранней стадии, установить свой контроль надо мной и над ходом дела. Я решил держать с Доббсом ухо остро. Подпускать, но не перебарщивать.

Глава 6

Поток машин, стремящихся в центр города, вливался в перевал Кауэнга-Пэсс, точно в горлышко бутылки. Я провел это время за телефонными звонками, стараясь не думать о нашем с Мэгги Макферсон разговоре в части выполнения мной родительских обязанностей. Моя бывшая жена была права в этом отношении – это-то меня и мучило. Слишком долго я ставил свои профессиональные обязательства выше родительских. Я пообещал себе исправить ситуацию. Просто, чтобы жить более спокойно, требовались время и деньги. Я подумал, что, возможно, как раз Льюис Руле сможет обеспечить мне и то и другое.

Из «линкольна» я первым делом позвонил своему сыщику Анхелю Левину, дабы тот был во всеоружии на случай возможного совещания с Руле. Я попросил его провести предварительное расследование по данному делу, посмотреть, что можно выяснить. Левин рано вышел в отставку из полицейского управления Лос-Анджелеса, но поддерживал связь с друзьями, которые время от времени оказывали ему услуги. У него наверняка тоже имелся список людей, которых он одаривал к Рождеству. Я велел ему не тратить на поиск информации много времени, пока не уверюсь, что застолбил Руле как клиента, готового платить хорошие деньги. Не важно, что там говорил мне наедине Си-Си Доббс в коридоре суда. Я не поверю, что дело мое, пока не получу первый взнос.

Затем я проверил состояние еще нескольких судебных дел и снова позвонил Лорне Тейлор. Я знал, что, как правило, к полудню ей доставляют почту. Но она сказала, что ничего важного не приходило. Ни чеков, ни корреспонденции из судов, которые бы срочно требовали моего внимания.

– Ты узнала, когда состоится предъявление обвинения Глории Дейтон?

– Да. Похоже, они могут продержаться до завтра. Что-то там с медициной.

Я содрогнулся. Гособвинение в лице штата располагало двумя сутками, чтобы после ареста предъявить обвинение и передать дело в суд. Отсрочка первого появления Глории Дейтон в суде до следующего дня по медицинским причинам означала, что у нее наркотическая «ломка». Тогда это вязалось с тем, что при аресте у нее нашли кокаин. Мы не виделись с ней по меньшей мере месяцев семь. Ее движение по наклонной, судя по всему, было быстрым и резким. Тонкая грань между хранением наркотиков и наркозависимостью размылась.

– Ты выяснила, кто выдвинул обвинение?

– Лесли Фэр.

Меня вновь передернуло.

– Просто блеск. Ладно, съезжу туда и посмотрю, что можно сделать. Сейчас я все равно свободен, пока не получу вестей от Руле.

Лесли Фэр ошибочно называли государственным обвинителем. По ее мнению, дать обвиняемому шанс или соблюдать принципы презумпции невиновности означало установить над освободившимся усиленный надзор полиции.

– Мик, когда ты уже поумнеешь? – спросила Лорна, имея в виду Глорию Дейтон.

– В смысле? – спросил я, хотя и так отлично знал, что она скажет.

– Она подводит тебя всякий раз, как ты с ней связываешься. Никогда она не бросит такую жизнь. Когда она позвонит, можно побиться об заклад: получим два в одном. Все бы ладно, да ведь ты никогда не берешь с нее денег.

Она имела в виду, что судебные дела Глории Дейтон станут более сложными и трудоемкими, так как обвинения в проституции теперь, вероятно, будут сопровождаться проблемами с наркотиками. Лорну беспокоило, что это означало больше работы для меня, но без увеличения дохода.

– Ну, Лорна, коллегия адвокатов требует, чтобы юристы работали периодически на общественных началах, ради блага общества. Видишь ли...

– Ты меня не слушаешь, Мик, – нетерпеливо оборвала она. – Именно поэтому распался наш брак.

Я закрыл глаза. Ну и день! Я умудрился разозлить обеих своих бывших жен.

– Какой у нее на тебя компромат? – продолжала Лорна. – Почему ты не берешь с нее даже по минимуму?

– Послушай, у нее на меня ничего нет! Понятно? Можем мы теперь сменить тему?

Я не сказал ей, что несколько лет назад, просматривая старые пыльные папки, оставшиеся от адвокатской практики моего отца, я обнаружил, что у него была слабость к так называемым ночным бабочкам. Он защищал многих и мало с кого брал деньги. Вероятно, я просто продолжал семейную традицию.

– Хорошо, – сказала Лорна. – Как прошла встреча с Руле?

– Ты имеешь в виду, получил ли я работу? Думаю, что да. Вэл, видимо, как раз сейчас вытаскивает его из каталажки. После этого мы все соберемся. Я уже попросил Анхеля накопать что-нибудь.

– Ты получил от них чек?

– Еще нет.

– Получи, Мик.

– Я над этим работаю.

– А как в остальном?

– Я видел только фотографии, и на первый взгляд дела плохи. Смогу сказать больше после того, как увижу, что добудет Анхель.

– А что собой представляет этот Руле?

Я понял, что она имеет в виду. Что он собой представляет как клиент? Как воспримут его присяжные, если дело дойдет до суда? Порой дела выигрываются или проигрываются в зависимости от отношения членов жюри к подсудимому.

– Производит впечатление инфантильного простака.

- Он чист?
- Никогда не бывал в казенном доме.
- А он действительно это сделал?

Она всегда задавала несущественные вопросы. Для стратегии ведения дела не имело значения, совершил ли подзащитный то, в чем его обвиняют, или нет. Важно было, какие улики и свидетельства против него имеются, а также можно ли их нейтрализовать, и если да, то как. Моя работа состояла в том, чтобы затушевать эти доказательства, набросить на них серую вуаль. Серый – цвет разумного сомнения.

Но вопрос, совершал ли обвиняемый вменяемое ему преступление или не совершал, всегда интересовал Лорну.

– Кто знает, Лорна? Дело не в этом, а в том, является ли он платежеспособным клиентом. Я думаю, да.

– Что ж, дай знать, если тебе потребуется какое-нибудь... О, постой, еще кое-что!

– Что именно?

– Звонил Стикс и сказал, что должен тебе четыреста долларов, отдаст при встрече.

– Да, есть такое.

– Тебе сегодня фартит?

– Не жалуюсь.

Мы попрощались вполне дружески, и, похоже, спор по поводу Глории Дейтон был на время забыт. Вероятно, ощущение уверенности в том, что богатый клиент на крючке и деньги на подходе, смягчило досаду Лорны по поводу моей работы даром. Впрочем, я спрашивал себя, стала бы она так сильно возражать, если бы я защищал бесплатно не проститутку, а наркодилера.

Когда-то мы с Лорной состояли в недолгом и приятном браке, но быстро поняли, что зашли слишком далеко, спасаясь от депрессии после предыдущих разводов. Мы положили этому конец, остались друзьями, и она продолжала со мной работать – именно со мной, а не на меня. Единственно, когда я чувствовал себя неуютно, – когда

она вдруг вновь начинала вести себя как жена, задним числом критикуя мой выбор клиента и назначенный гонорар.

Окрыленный тем, что нашел общий язык с Лорной, я позвонил в офис окружного прокурора и попросил к телефону Маргарет Макферсон, застав ее за ланчем на рабочем месте.

– Просто хотел сказать, что сожалею о сегодняшнем. Я знаю, для тебя важно было вести это дело.

– Что ж, тебе оно, пожалуй, нужнее, чем мне. Видимо, он выгодный клиент, раз Си-Си Доббс таскает за ним рулон.

Она имела в виду рулон туалетной бумаги. На высокооплачиваемых семейных адвокатов прокуроры обычно смотрят не иначе как на подтирателей задниц у богатых и знаменитых.

– Да, мне бы он сейчас очень пригодился – я имею в виду доходного клиента, а не подтирщика. Мне уже давно так не везло.

– Знаешь, не так уж тебе и повезло, не обольщайся, – прошептала она в трубку. – Несколько минут назад дело передали Теду Минтону.

– Никогда о таком не слышал.

– Это один из молодых подопечных Смитсона. Его недавно перевели из центра города, где он занимался обычными делами о хранении наркотиков. Вообще, можно сказать, не нюхал порошу, пока не перешел сюда.

Джон Смитсон был амбициозным главой ван-найсского отделения канцелярии окружного прокурора и являлся скорее политиком, чем прокурором. Он сделал ставку именно на это свое качество, дабы быстро занять руководящий пост. Мэгги Макферсон как раз относилась к тем, кого он обошел. Едва заняв место, Смитсон начал подбирать себе штат молодых прокуроров, которые находились на хорошем счету и проявляли к нему лояльность за предоставленный шанс.

– И что, этот парень никогда не выступал в суде? – спросил я, недоумевая, почему Мэгги назвала невезением оппонировать новичку.

– Он провел здесь несколько процессов, но всегда в качестве помощника, в подтанцовке. Дело Руле станет его первым соло. Смитсон считает, что делает ему голевую подачу.

Я представил ее сидящей в своем отсеке-кабинетике, вероятно, совсем рядом с точно таким же, где находился мой новый противник.

– Я что-то не улавливаю, Мэгс. Если этот парень зеленый, то почему мне не повезло?

– Потому что те, кого притаскивает Смитсон, все скроены на один лад. Напыщенные задницы. Они считают, что всегда правы и, более того... – Она еще понизила голос. – Они играют не по правилам. А о Минтоне ходит слух, что он вообще мошенничает. Будь начеку, Холлер.

– Что ж, спасибо за предупреждение.

Но она еще не закончила.

– Многие из этих новых людей просто не понимают главного. Они смотрят на работу не как на призвание, даже не как на профессию. Для них она не имеет отношения к правосудию, а просто игра – баланс забитых и пропущенных голов. Им нравится вести в счете и наблюдать, как это проталкивает их по карьерной лестнице. В сущности, все они – те же смитсоны, только моложе.

Призвание... Так она относилась к профессии, что в конечном счете стоило нам нашего брака. В теории она могла примириться, что замужем за человеком, который работает по другую сторону, но когда дело доходило до практики нашей работы... Нам еще повезло, что мы смогли продержаться восемь лет. «Как прошел день, милый?» – «О, мне удалось добиться судебной сделки, так что тот тип, убивший соседа по комнате ножом для колки льда, получил всего семь лет. А у тебя?» – «О, а я засадила на пять лет человека, укравшего стерео из машины...» Ну не стыковалось это, и все тут. Через четыре года у нас появилась дочь, и не ее вина, что мы продержались вместе так мало.

Тем не менее я ни о чем не жалел и нежно относился к своей дочери. Она была единственным подлинным достижением в моей жизни, тем, чем я мог гордиться. Если разобраться, то истинная причина наших редких встреч (под предлогом моей занятости) заключалась в том, что я чувствовал себя недостойным. Ее мать выступала героем. Она сажала в тюрьму плохих людей. Что хорошего мог рассказать о своей работе я, когда сам давно потерял об этом представление?

– ...Эй, Холлер, ты еще там?

– Да, Мэгс, я здесь. Чем ты сегодня обедаешь?

– Всего лишь восточным салатом – снизу, из кафетерия. Ничего особенного. А где ты сейчас?

– Направляюсь в центр города. Послушай, скажи Хейли, что я приеду в субботу. Я составлю план. Мы совершим что-нибудь особенное.

– Ты уверен? Я не хочу зря ее обнадеживать.

Я почувствовал, как внутри меня поднялось что-то теплое: мысль о том, что моя дочь будет обнадежена нашей встречей. Чего Мэгги никогда не делала, так это не чернила меня в глазах дочери. Я всегда этим восхищался.

– Да, уверен.

– Отлично, я ей скажу. Дай мне знать, в какое время сможешь заехать, или я могу сама куда-нибудь ее подбросить.

– Хорошо.

Я еще немного потянул время. Мне хотелось поговорить с ней подольше, но больше нечего было сказать. В конце концов я попрощался и закрыл телефон.

Через несколько минут нас вынесло из горлышка бутылки. Я выглянул в окно и не заметил никакой аварии. Никого с прохудившейся шиной или дорожного патруля, припаркованного у обочины. Я не увидел ничего, что объясняло бы этот затор. Так часто бывало. Движение на автострадах в Лос-Анджелесе было

непостижимым, как супружеская жизнь. Поток машин двигался, потом вдруг тормозил и останавливался без всякой причины.

Я из адвокатской семьи. Этому делу посвятили себя мой отец, мой сводный брат, племянница и племянник. Отец стал знаменитым адвокатом во времена, когда еще не существовало кабельного телевидения и канала «Суд-ТВ». В течение почти трех десятилетий он оставался старейшиной уголовного права в Лос-Анджелесе. От Микки Коэна^[9] до мэнсоновских девочек^[10] его клиенты всегда фигурировали в броских заголовках газет. Я оказался всего лишь запоздалым дополнением его жизни – неожиданный плод второго брака с второсортной киноактрисой, знаменитой своей экзотической латинской наружностью, но не талантом. Это смешение дало мне чернявую ирландскую внешность. Когда я появился, мой отец был уже стар, поэтому отошел в мир иной прежде, чем я достаточно повзрослел, чтобы по-настоящему его узнать или беседовать с ним о юридическом призвании. Он оставил мне только имя: Микки Холлер, легенда юриспруденции. Это имя и по сей день открывало многие двери.

Но мой старший брат – сводный брат от первого отцовского брака – рассказал, что отец беседовал с ним об адвокатской профессии и о судебной защите. Он говорил, что стал бы защищать и самого дьявола, коль скоро тот в состоянии заплатить гонорар. Единственное выдающееся дело, от которого он отказался за всю свою карьеру, было дело Серхана Серхана^[11]. Отец сказал моему брату, что слишком любил Бобби Кеннеди, чтобы защищать его убийцу, – несмотря на приверженность принципу, что обвиняемый заслуживает самой лучшей и самой энергичной защиты, какую только можно представить.

Когда подросток, я прочел все книги об отце и о судебных делах с его участием. Я восхищался тем искусством, энергией и теми стратегиями, которые он выносил на процессы. Он был чертовски хорош в своем деле, и я горжусь тем, что ношу его имя. Но закон с

тех пор стал иным. Серым и бесцветным. Идеалы давно свелись к понятиям и носили скорее факультативный характер.

Зазвонил мой сотовый, и я взглянул на дисплей, прежде чем ответить.

– Что случилось, Вэл?

– Началось! Его уже успели отвезти обратно в тюрьму, но мы только что запустили процедуру освобождения.

– Доббс внес залог?

– Ты правильно понял!

Его распирало от восторга.

– Не впадай в эйфорию. Ты уверен, что он не сбежит?

– Я никогда в этом не уверен. Заставлю его носить браслет. Если он уйдет, я остаюсь без дома.

Я сообразил: то, что я принял за воодушевление от внезапной удачи – в виде залога в миллион долларов, – оказалось на самом деле нервным возбуждением. Пока вся эта история не завершится – так или иначе, – Валенсуэла будет как натянутая струна. Хотя суд этого и не предписал, он намеревался надеть Руле на лодыжку специальный браслет с электронным отслеживающим устройством. Он не собирался рисковать с этим парнем.

– Где Доббс?

– Дождется у меня в офисе. Я привезу туда Руле, как только его отпустят. Уже недолго осталось.

– Мейзи на месте?

– Да.

– Хорошо, я ей позвоню.

Я отключился и набрал цифру для быстрого соединения с фирмой «Освобождение на поруки под залог». Секретарь и помощница Валенсуэлы сняла трубку.

– Мейзи, это Мик. Можешь позвать к телефону мистера Доббса?

– Конечно, Мик.

Через несколько секунд Доббс взял трубку. Он казался чем-то смущенным и обеспокоенным. Об этом можно было судить по его

тону.

– Сесил Доббс слушает.

– Это Микки Холлер. Как идут дела?

– Знаете, если вы думаете, что я должен пренебрегать своими обязанностями по отношению к другим клиентам, сидя здесь и читая ваши журналы годичной давности, то это не так.

– Разве у вас нет мобильного телефона для работы?

– Да. Но с моими клиентами нужно общаться лично.

– Понимаю. Что ж, хорошая новость: как я слышал, нашего мальчика вот-вот освободят.

– Нашего мальчика?

– Я имею в виду мистера Руле. Валенсуэла должен управиться в течение часа. Сейчас у меня встреча с другим клиентом, но, как я уже сказал, во второй половине дня освобожусь. Вы хотите участвовать в разговоре с нашим общим клиентом или предпочитаете, чтобы с этого момента я взял дело на себя?

– Нет, миссис Виндзор настаивала, чтобы я сам тщательно следил за ходом дела. Вообще-то, она может тоже принять участие в обсуждении.

– Я не против того, чтобы встретиться с миссис Виндзор и засвидетельствовать ей свое почтение, но когда обсуждается дело, здесь должна присутствовать только группа защиты, в которую может входить семейный поверенный, но не мать. Понятно?

– Понятно. Скажем, в четыре часа у меня в конторе. Льюис приедет туда.

– Я буду там.

– На мою фирму работает сыщик. Я попрошу его тоже присутствовать.

– В этом нет необходимости, Сесил. У меня есть мой собственный, и он уже приступил к работе. Встречаемся в четыре.

Я выключил телефон прежде, чем Доббс успел начать прения на тему, чьего сыщика использовать. Мне нужно было внимательно следить, чтобы Доббс не взялся заправлять расследованием и

определять стратегию ведения дела. Наблюдение – это одно. Но сейчас я являлся адвокатом Льюиса Руле, а не он.

Когда затем я позвонил Анхелю Левину, тот сказал, что находится на пути в полицейское отделение Ван-Найса, чтобы забрать оттуда копию отчета об аресте.

– И только-то? – спросил я.

– Ирония твоя неуместна. В каком-то смысле мне потребовалось двадцать лет, чтобы добыть этот отчет.

Я понял. Связи Левина, сложившиеся на протяжении долгих лет полицейской службы и теперь задействованные на рынке взаимных услуг и доверия, не подвели и на сей раз. Неудивительно, что он брал за свою работу до пяти сотен в день. Я сообщил ему о встрече в четыре, и он сказал, что приедет и представит нам мнение правоохранительных органов о данном деле.

«Линкольн» остановился как раз в тот момент, когда я захлопнул телефон. Мы находились перед тюрьмой Твин-Тауэрс. Зданию не было и десяти лет, но черный смог уже начинал намертво въедаться в его песочного цвета стены, окрашивая их в безрадостный серый. Это было печальное и отталкивающее место, в котором я проводил слишком много времени. Я открыл дверь машины и вышел, чтобы ступить в него снова.

Глава 7

При входе имелось специальное окно, где выдавали пропуска только адвокатам, что позволило мне обойти длинную очередь посетителей, пришедших повидаться со своими близкими, сидящими в одной из башен. Когда я сообщил служащему фамилию заключенной, которую пришел навестить, он вбил ее в компьютер, но ни словом не обмолвился, что Глория Дейтон находится в медчасти и недоступна для посещения. Он напечатал на принтере пропуск, сделал бейдж и велел прикрепить его к одежде и не снимать, пока нахожусь на территории тюрьмы. Затем попросил меня отойти от окошка и подождать сопровождающую.

– Это займет несколько минут, – сказал он.

Из предыдущего опыта я знал, что мой сотовый телефон не работает на территории тюрьмы, а если бы я вышел за ее пределы, чтобы позвонить, то мог бы пропустить свой эскорт, и тогда пришлось бы проходить всю процедуру заново. Поэтому я не стал суетиться и начал изучать лица людей, что пришли навестить своих близких. В основном здесь находились черные и цветные. Большинство лиц выражали будничность происходящего. Все они, вероятно, знали здешние порядки куда лучше меня.

Минут через двадцать крупная женщина в форме служащей охраны вошла в приемную и забрала меня. Я догадывался, что сейчас бы ее, с такими габаритами, не взяли на службу в ведомство шерифа. В ней было фунтов сто лишнего веса, и, похоже, передвижение в пространстве составляло для нее проблему. Но я также знал, что если уж кто-нибудь начинал там служить, то уволить его было практически невозможно. Пожалуй, единственное, что могла бы эта тетка сделать, случись в тюрьме побег, – это привалиться всей своей тушей к двери, дабы удержать ее в закрытом состоянии.

– Извините, что так долго, – сказала она мне, пока мы ждали в специальной «ловушке» между дверьми, в башне, где помешались женщины. – Мне пришлось пойти ее поискать, чтобы удостовериться, что она еще у нас.

Она подала сигнал в висящую над следующей дверью видеокамеру: мол, все в порядке, – и дверь с клацаньем отворилась. Баба протиснулась внутрь.

– Она находилась в медчасти, ее приводили в порядок, – добавила охранница.

– Приводили в порядок?

Я не знал, что в тюрьме практиковалась наркотерапия, которая включала в себя «приведение в порядок» наркозависимых.

– Да, она пострадала, – сказала служительница. – Малость поранилась в потасовке. Она сама вам расскажет.

Я оставил на этом расспросы. В некотором смысле я испытал облегчение, что медобработка не касалась – по крайней мере напрямую – наркотерапии или последствий передозировки.

Женщина провела меня в комнату для адвокатов, где я бывал не раз с разнообразными клиентами. В подавляющем большинстве это были мужчины, и вовсе не оттого, что я шовинист. Причина состояла в том, что мне всегда тяжело защищать женщин. Любая женщина в тюрьме: от проститутки до убийцы – а мне доводилось встречать и тех и других – это что-то горькое, жалкое и униженное. Я заметил, что почти всегда мотивы их преступлений связаны с мужчинами, которые так или иначе использовали их в своих целях, жестоко обращались с ними, совращали, подвергали насилию, бросали, причиняли боль. Я это вовсе не к тому, что сами женщины не должны нести ответственности за свои поступки или что никто из них не заслуживал наказания. Среди женщин есть хищники, успешно конкурирующие с хищниками-мужчинами. Но и в этом случае женщины-заклученные разительно отличались от собратьев-мужчин из соседней башни. Мужчины и в тюрьме продолжают жить по законам привычной жизни: с помощью силы, обмана, уверток. У

женщин, после того как за ними захлопывается дверь камеры, почему-то больше ничего не остается.

Комната для посетителей состояла из ряда кабинок, в которых адвокаты и клиенты могли сидеть и переговариваться, разделенные восемнадцатидюймовой перегородкой из оргстекла. В застекленной будке в конце помещения сидел служитель и наблюдал, предположительно не подслушивая. Если требовалось передать клиенту какие-то бумаги, их сначала показывали через стекло этому служителю для одобрения.

Я подошел к кабинке, и мой эскорт удалился. Потом я подождал еще десять минут, прежде чем та же самая охранница появилась по другую сторону прозрачной перегородки, но уже с Глорией Дейтон. Я сразу заметил у нее фонарь под левым глазом и одинокий крестообразный стежок поверх маленькой рваной ранки на лбу, у самых волос. У Глории Дейтон были иссиня-черные волосы и оливковая кожа. Когда-то она была красива. Да, когда я представлял ее в первый раз, лет семь или восемь назад, она была очень красива. Той красотой, что ошеломляет, а потом ты с недоумением видишь, что она не нашла ей иного применения, кроме как продаваться незнакомым людям. Но сейчас, на мой взгляд, клиентка выглядела попросту огрубевшей. Черты лица стали неестественно жесткими. Над ней трудились далеко не лучшие пластические хирурги – да и в любом случае что они могут сделать с глазами, так много повидавшими?

– Микки Мантл [\[12\]](#), – произнесла она. – Ты вновь пришел за меня биться?

Она сказала это голосом маленькой девочки, который, видимо, пользовался успехом у ее клиентов и на который они с готовностью отзывались. Только вот по мне, он звучал просто нелепо в сочетании с этим сильно растянутым ртом и безжизненно-стеклянными, как у куклы, глазами.

Она всегда называла меня Микки Мантлом, хотя к моменту ее рождения великий бейсболист уже давно сошел со сцены и она едва

ли могла что-то знать о нем или его игре. Для нее это было просто имя. Подозреваю, она с тем же успехом могла бы называть меня Микки-Маусом – с той разницей, что мне бы это, пожалуй, не слишком понравилось.

– Попытаюсь, Глория, – ответил я. – Что с твоим лицом? Как это случилось?

Она лишь отмахнулась:

– Небольшое разногласие с одной девушкой в нашей общаге.

– Насчет чего?

– Так, женская дребедень.

– Ты что, употребляешь прямо здесь?

Она поглядела на меня возмущенно, потом попыталась обиженно надуть губы.

– Ничего подобного.

Я внимательно к ней присмотрелся. Она казалась искренней. Может, правда драка была не из-за наркотиков.

– Я не хочу здесь оставаться, Микки, – сказала она своим нормальным голосом.

– Вполне тебя понимаю. Я и сам не хочу здесь оставаться и скоро должен уйти.

В тот же миг я пожалел о последних словах и о том, что напомнил ей о ее положении. Но она, похоже, даже не обратила на них внимания.

– Ты бы пристроил меня в какую-нибудь досудебную программу, где я могла бы прийти в себя.

Я подумал: любопытно, что подсевшие на наркотики одинаково именуют противоположные понятия. И «кайфануть», и «протрезветь» – все это у них «прийти в себя».

– Проблема в том, Глория, что мы проходили программу реабилитации в прошлый раз, помнишь? И она совершенно явно не дала результата. Так что на этот раз уж я не знаю. Видишь ли, у них есть разные варианты таких программ, и судьи с прокурорами не любят направлять людей вторично в то же самое место, особенно

когда те однажды не воспользовались предоставленной возможностью.

– Что ты имеешь в виду? – запротестовала она. – Я воспользовалась предоставленной возможностью. Я отбыла эту проклятую программу от звонка до звонка.

– Верно. Это хорошо. Но затем, после окончания, ты опять взялась за свое, и вот где ты сейчас. Ни прокурор, ни судья не назовут это успехом. Я должен быть с тобой честным, Глория. Вряд ли у меня получится пристроить тебя в какую-то реабилитационную программу на сей раз. Думаю, ты должна подготовиться к тому, что сейчас они поведут себя жестче.

Ее глаза страдальчески закрылись.

– Я не могу здесь оставаться, – сказала она слабым голосом.

– Послушай, в тюрьме тоже есть всякие программы. Ты вылечишься и выйдешь на свободу, получив еще один шанс начать с чистого листа.

Моя собеседница покачала головой; она выглядела опустошенной и сломленной.

– Ты уже давно в этой профессии, – продолжал я. – На твоём месте я бы подумал завязать и куда-то отсюда податься. Из Лос-Анджелеса, я имею в виду. Уезжай и начни все сначала.

Она гневно посмотрела на меня:

– Начать сначала и заняться – чем? Взгляни на меня. Что ты мне предлагаешь? Выйти замуж, нарожать детишек и разводить цветы?

У меня не нашлось на это ответа, как и у нее.

– Поговорим об этом в свое время. А сейчас давай займемся твоим делом. Расскажи мне, что произошло.

– То, что всегда происходит. Я проверила парня на вшивость, и все вроде казалось нормальным. Он не вызывал опасений. Но оказался легавым – ну и все.

– Ты сама к нему поехала?

– Да, в «Мондриан». У него был номер люкс – вот еще почему я купилась. Копы обычно не снимают таких номеров. Бюджет не

позволяет.

– Разве я не говорил тебе, как это глупо – брать с собой кокаин, когда работаешь? А уж если человек сам просит тебя принести, тогда точно это коп.

– Я все это знаю, и он не просил меня. Я забыла, что у меня с собой кокаин, понимаешь? Мне его дал другой мужик, до этого. Что мне оставалось сделать – бросить его в машине, для парковщика?

– Что за человек, который тебе его дал?

– Мужик из «Тревлоджа», на бульваре Санта-Моника. Я обслуживала его накануне, и он предложил его мне в качестве оплаты – ну, понимаешь, вместо наличных. Потом, выйдя от него, я проверила телефонные сообщения – меня ждал вызов от клиента из «Мондриана». Поэтому я сразу ему перезвонила, договорилась о встрече и поехала прямо туда. Я забыла, что у меня зелье в сумочке.

Заинтересовавшись, я подался вперед. В деле мне показался некий просвет.

– Этот парень из «Тревлоджа», кто он такой?

– Не знаю, увидел мое объявление на сайте.

Она находила клиентов через сайт, посвященный эскорт-услугам.

– Он сказал, откуда он?

– Нет. Мексиканец или кубинец, что-то в таком духе. Он сам был весь потный от наркоты.

– Когда он давал тебе кокаин, ты не видела, есть ли у него еще?

– Да, у него еще оставалось. Я надеялась на предложение прийти снова, но... похоже, я не то, чего он ожидал.

В прошлый раз, когда я просматривал ее объявление на сайте LosAngelesDarlings.com, дабы убедиться, что она еще жива, размещенные там фотографии были по меньшей мере пяти-, а то и десятилетней давности. Неудивительно, что это вызывало некоторое разочарование, когда клиенты открывали двери своих номеров.

– Сколько у него оставалось?

– Не знаю точно. Но будь это последнее, он не стал бы мне отдавать.

Веский довод. Просвет сделался ярче.

– Ты проверила его документы?

– Ясное дело.

– Что именно? Водительские права?

– Нет, паспорт. Он сказал, что у него нет прав.

– Как его звали?

– Гектор как-то там.

– Ну же, Глория! Гектор... как дальше? Постарайся вспомнить.

– Гектор что-то там Мойя. Там было всего три слова. Но я запомнила только «Мойя», потому что, когда он вынес кокаин, я сказала: «Гектор, Гектор, а еще мойя?»

– Отлично.

– Ты думаешь, это может как-то пригодиться?

– Возможно. Зависит от того, кто этот парень. Если он наркодилер – скорее всего, да.

– Я хочу выбраться отсюда.

– Ладно, послушай, Глория. Я иду к прокурору посмотреть, как она настроена и что я могу для тебя сделать. За тебя требуют залог в двадцать пять тысяч долларов.

– Что?!

– Да, это больше обычного – из-за наркотиков. У тебя ведь нет двадцати пяти тысяч, чтобы внести залог?

Она покачала головой. Я увидел, как напряглись мышцы ее лица. Я знал, что последует дальше.

– Ты не мог бы внести их за меня, Микки? Я обещаю, что...

– Я не стану этого сделать, Глория. Это правило, и если я его нарушу, то наживу неприятности. Тебе придется перекантоваться здесь ночь, а утром тебя доставят в суд, чтобы предъявить обвинение.

– Нет! – вырвалось у нее. Скорее стон, чем слово.

– Я знаю, будет нелегко, но тебе надо обо всем хорошенько подумать. И в суд ты должна явиться трезвой как стеклышко. А не то

у меня не останется даже шанса снизить сумму залога и вытащить тебя. Так что никакой дряни, которой здесь торгуют. Ты поняла?

Она подняла руки над головой, как если бы защищалась от рушащегося потолка, стиснула кулаки жестом, полным ужаса. Ее ждала тяжелая ночь.

– Ты должен вытащить меня завтра.

– Я сделаю все возможное.

Я дал знак, чтобы меня вывели.

– Еще, последнее. Ты помнишь номер комнаты парня из «Тревлоджа»?

Она задумалась секунду.

– Да, он легкий. Три тридцать три.

– Отлично, спасибо. Я посмотрю, как тебе помочь.

Когда я встал, она продолжала сидеть. Вскоре вернулась моя конвоирша и сообщила, что мне придется подождать, пока она отведет Глорию обратно в общую камеру. Я взглянул на часы. Было почти два. Я еще не ел, и у меня начиналась головная боль. Оставалось всего два часа, чтобы попасть в офис окружного прокурора – к обвинительнице Лесли Фэр, поговорить о Глории, а затем – в Сенчури-Сити, на совещание с Руле и Доббсом.

– А кроме вас, больше никто не может вывести меня отсюда? – раздраженно спросил я. – Я спешу в суд.

– Извините, сэр, таков порядок.

– Так поторопитесь, пожалуйста.

– Я так и делаю.

Через пятнадцать минут я понял, что мои жалобы возымели обратный эффект. Лучше бы я придержал язык. Подобно посетителю ресторана, который, отослав на кухню холодный суп, получает его обратно горячим, но со смачным привкусом слюны, мне следовало проявить благоразумие.

Во время короткой поездки в деловую часть города, до центрального здания уголовного суда, я позвонил Анхелю Левину. Мой детектив находился в своем офисе, в Глендейле, и

просматривал полицейские отчеты и прочие документы по делу Руле. Я попросил его отложить их в сторону и сделать несколько звонков. Хотелось проверить человека из номера 333 отеля «Тревлодж» на бульваре Санта-Моника. Я сказал, что информация была нужна мне вчера – зная, что у Анхеля есть свои источники и способы собрать сведения о нужном человеке. Меня совершенно не интересовало, как он это делал. Меня интересовал только конечный результат.

Эрл остановил машину перед зданием суда, и я велел ему пока сгонять к ресторану «Филиппе» и привезти нам сэндвичи с ростбифом. Свой я бы съел по дороге в Сенчури-Сити. Я протянул ему через спинку сиденья двадцатидолларовую бумажку и выскочил из машины.

Ожидая лифт в вечно наводненном людьми вестибюле здания суда, я достал из кейса тайленол в надежде остановить уже начинавшуюся от голода мигрень. Мне потребовалось десять минут, чтобы добраться до девятого этажа, и еще пятнадцать пришлось прождать, пока Лесли Фэр не осчастливила меня аудиенцией. Впрочем, я не роптал, потому что в это время как раз успел перезвонить Анхель Левин – прямо перед тем, как меня к ней пустили. Прими она меня раньше, я бы не успел пополнить свои боеприпасы.

Левин сообщал, что человек из номера 333 зарегистрировался в мотеле под именем Хильберто Гарсия. У него не потребовали удостоверения личности, поскольку он заплатил наличными на неделю вперед и внес пятидесятидолларовый задаток за телефонные разговоры. Левин также запросил по своим каналам названное мной имя, и всплыл некий Гектор Арранде Мойя, колумбиец, находящийся в розыске после побега из тюрьмы в Сан-Диего, когда федеральное Большое жюри^[13] предъявило ему обвинение в торговле наркотиками. Это была действительно ценная информация, и я планировал задействовать ее в разговоре с прокурором.

Фэр делила кабинет с тремя другими обвинителями. В каждом углу стояло по письменному столу. Двое ее коллег в этот момент отсутствовали – вероятно, находились в суде, – но один человек, которого я не знал, сидел за дальним столом. Приходилось беседовать в зоне его слышимости. Мне это очень не нравилось, так как я давно обнаружил, что прокурор в такой ситуации часто склонен играть на публику и старается выглядеть сверхжестким и пронизательным – порой за счет моего клиента.

Я взял стул от одного из пустующих столов и сел напротив Фэр. Я пропустил обмен любезностями и перешел прямо к делу, потому что был голоден и спешил.

– Сегодня утром вы приняли к производству дело Глории Дейтон. Она моя клиентка. Я хочу посмотреть, что можно для нее сделать.

– Что ж, она может добровольно признать себя виновной и получить от одного до трех лет во Фронтере^[14].

Прокурор произнесла это небрежно, с улыбкой, больше похожей на самодовольную ухмылку.

– Я подумывал о программе реабилитации.

– А я-то полагала, что она уже откусила от этого яблока и выплюнула. Не может быть и речи!

– Послушайте, ну сколько кокаина было у нее при себе – пара граммов?

– Не важно. Все равно это противозаконно. Глории Дейтон предоставляли множество возможностей встать на путь исправления и избежать тюрьмы. Но она их исчерпала. – Она повернулась к своему столу, раскрыла досье и бросила взгляд на первый лист. – Девять арестов за последние пять лет, – проговорила она. – Это ее третье обвинение, связанное с наркотиками, и она ни разу не проводила в тюрьме более трех дней. Забудьте о программе. Она должна наконец чему-то научиться, и сейчас как раз тот самый случай. Я не готова дискутировать на эту тему. Если она сама признает себя виновной, я дам ей от одного до трех. Если нет,

выношу дело в суд, и ей придется надеяться на судью и его мягкосердечие. Я буду просить о максимальном сроке.

Я кивнул. Примерно этого я от Фэр и ожидал. Правда, на деле приговор от одного до трех лет, скорее всего, выльется в девятимесячное заключение. Я знал, что Глория с этим справится и наверняка этого заслуживает. Но у меня еще оставался козырь в запасе.

– Что, если у нее есть предмет для торга?

Фэр хмыкнула, словно над шуткой.

– Например?

– Номер комнаты в отеле, где крупный наркодилер делает бизнес.

– Звучит несколько туманно.

Это и было туманно, но по ее изменившемуся голосу я мог заключить, что она заинтересовалась. Каждый прокурор любит выгодные сделки.

– Позвоните своим людям, которые занимаются наркотиками. Попросите у них информацию на Гектора Арранде Мойю. Он колумбиец. Я могу подождать.

Она помедлила в нерешительности. Ей явно не нравилось, что ею манипулирует судебный адвокат, особенно когда рядом находится другой прокурор. Но крючок она уже заглотила.

Фэр опять повернулась к столу и сделала телефонный звонок. Я слышал, как она велела кому-то предоставить ей данные на Мойю. Подождала некоторое время, затем выслушала ответ. Потом поблагодарила собеседника и положила трубку. Не спеша снова развернулась ко мне.

– Так, – сказала прокурор. – Чего она хочет?

У меня ответ был наготове:

– Она хочет, чтобы ее пристроили в какую-нибудь программу реабилитации. Чтобы по ее успешном прохождении все обвинения сняли. Она не дает в суде показаний против того типа, и ее имя не фигурирует в документах. Просто сообщает название отеля и номер, где он остановился, а ваши люди делают остальное.

– Им потребуется выстроить судебное дело. Ей все равно придется свидетельствовать. Как я понимаю, те два грамма поступили от того человека. Тогда ей придется рассказать об этом.

– Нет, не придется. Тот, с кем вы только что говорили, сообщил вам, что и без того имеется ордер на его арест. Вы можете повязать его за старые грехи.

Она некоторое время переваривала мои слова, двигая челюстью взад и вперед, словно пробуя сделку на вкус и решая, стоит ли есть дальше. Я знал, что ее смущало. Сделка была выгодной, но дело тянуло на федеральную юрисдикцию. Никакой личной прокурорской славы для Лесли Фэр – если только она не лелеет мечту однажды перескочить в федеральную прокуратуру.

– Федералы будут благодарны вам за это, – сказал я, стараясь надавить на ее совесть. – Он очень плохой парень. Вероятно, скоро расплатится в своем мотеле – и поминай как звали. А шанс схватить его будет упущен.

Она посмотрела на меня, точно на какое-то вредное насекомое.

– Не отработывайте на мне ваши штучки, Холлер.

– Извините.

Она опять погрузилась в раздумья. Я закинул удочку еще раз:

– Коль скоро вам известно его местонахождение, вы всегда можете попытаться организовать подставную покупку.

– Помолчите, сделайте одолжение. Вы мешаете думать.

Я поднял руки в знак капитуляции и умолк.

– Ладно, – сказала она наконец. – Дайте мне посоветоваться с боссом. Оставьте ваш номер, я перезвоню позже. Но сразу вам заявляю: если мы решим воспользоваться этой возможностью, ей придется пройти программу, предусматривающую строгую изоляцию. Например, в окружном медицинском центре при Университете Южной Калифорнии. Мы не намерены оставлять ее на свободе.

Я подумал и согласился. Окружной медицинский центр при Университете Южной Калифорнии представлял собой больницу с

тюремным крылом, в котором заключенные – пострадавшие в авариях, больные, наркоманы – проходили лечение. Там Глория Дейтон могла бы избавиться от зависимости и по завершении курса освободиться, и ей не будет предъявлено никаких обвинений и не придется отбывать дополнительный срок в тюрьме.

– Меня это вполне устраивает, – сказал я и посмотрел на часы. Время поджимало. – Наше предложение в силе до завтрашней явки в суд первой инстанции. После этого я звоню в Управление по борьбе с наркотиками и узнаю, не захотят ли они сотрудничать напрямую. Тогда дело уплывет из ваших рук.

Она посмотрела на меня с негодованием. Она знала: если я заключу сделку с федералами, те ее оттеснят. При столкновении интересов федералы всегда брали верх над штатом. Я встал и положил перед ней на стол свою визитную карточку.

– Только попробуйте меня обойти, Холлер, – предостерегающе сказала она. – Если вздумаете со мной юлить, я отыграюсь на вашей клиентке.

Я ничего не ответил и молча поставил на место позаимствованный стул. Тогда она смягчила тон:

– В любом случае я уверена, мы сумеем уладить дело так, чтобы все остались довольны.

Дойдя до двери кабинета, я обернулся:

– Все, кроме Гектора Мойи.

Глава 8

Контора адвокатов Доббса и Дельгадо располагалась на двадцать девятом этаже одной из башен-близнецов, создававших на фоне неба характерный силуэт Сенчури-Сити. Я пришел вовремя, но все остальные уже собрались в конференц-зале – огромной комнате с длинным полированным деревянным столом и одной стеклянной стеной, откуда, как на экране, открывался великолепный вид: западная часть города, далее хребет Санта-Моника и Тихий океан с далекими островами. День был ясный, и на самом краю горизонта острова Каталина и Анакапа виднелись вполне отчетливо. Чтобы заходящее солнце не слепило глаза, стекло закрыли пленкой, смягчающей яркое сияние, и создавалось впечатление, что на комнату надели солнцезащитные очки.

В темных очках пребывал и мой клиент. Льюис Руле сидел во главе стола, и его глаза скрывали очки «Рэй-Бэн» в черной оправе. Из серого тюремного комбинезона он переоделся в темно-коричневый костюм поверх светлой шелковой тенниски. Сейчас я видел уверенного в себе, хладнокровного молодого руководителя риелторской фирмы, а не испуганного мальчика из «загона» в зале суда.

Слева от Руле сидел Сесил Доббс, а рядом с Доббсом – аккуратно причесанная, в драгоценностях женщина: как я понял, доводившаяся Руле матерью. Я также понял, что Доббс не сообщил ей о моем отношении к ее присутствию на совещании.

Стул справа от Руле пустовал в ожидании меня. Дальше сидел мой детектив Анхель Левин, а перед ним на столе лежала закрытая папка-досье.

Доббс представил мне Мэри Элис Виндзор. Она пожала мне руку, и хватка у нее оказалась крепкой. Я занял свое место, и Доббс пояснил, что мать будет оплачивать защиту своего сына и согласна с условиями, которые я выдвинул ранее. С этими словами он подвинул

мне через стол конверт. Заглянув внутрь, я увидел чек на шестьдесят тысяч долларов, в котором значилось мое имя. Столько я и просил, но в качестве первоначального платежа я ожидал только половину. Бывали у меня дела, на которых я зарабатывал в итоге и побольше, но одновременно никогда не получал такой суммы.

Чек был выписан со счета Мэри Элис Виндзор. Банк солидный, надежный, как золото, – Первый национальный банк Беверли-Хиллз. Я закрыл конверт и подтолкнул его через стол обратно.

– Мне нужно, чтобы оплата исходила от Льюиса, – пояснил я, глядя на миссис Виндзор. – Мне не важно – пусть даже вы дадите ему деньги, а он потом передаст их мне. Но я хочу, чтобы чек, который получу, выписал Льюис. Я работаю на него, и это должно быть ясно определено с самого начала.

Я знал, что такая позиция отличается от моей обычной практики, и примером тому служило хотя бы нынешнее утро – когда я принимал платеж от третьей стороны. Но в данном случае это было принципиально. Один взгляд через стол на Мэри Элис Виндзор и Си-Си Доббса – и я понял, что нужно дать им четко понять с самого начала: делом должен заправлять именно я и именно мне суждено выиграть его или проиграть.

Я никак не ожидал такой реакции, но лицо Мэри Виндзор напряглось и окаменело. Почему-то в этот миг – своим плоским и квадратным лицом – она напомнила мне старые напольные часы моего отца.

– Мама, – спокойно произнес Руле, одним словом предотвращая назревшую бурю, – все в порядке. Я выпишу ему чек. Я смогу его обеспечить, пока ты не дашь мне денег.

Она перевела взгляд с меня на сына, а затем снова на меня.

– Хорошо, – сказала она.

– Миссис Виндзор, – обратился я к ней, – ваша материнская поддержка очень важна. И я имею в виду не только финансовую сторону. Если мы не преуспеем в снятии обвинений и дойдет до

судебного процесса, очень важно, чтобы вы продемонстрировали вашу поддержку публично.

– Не говорите глупостей, – сказала она. – Я пойду со своим сыном в огонь и в воду. Эти смехотворные обвинения должны быть сняты, а та женщина... она не получит от нас ни пенни!

– Спасибо, мама, – сказал Руле.

– Да, спасибо, – поддержал я. – Я не премину проинформировать вас – вероятно, через мистера Доббса, – где и когда потребуется ваша помощь. Приятно сознавать, что вы стоите на страже интересов вашего сына.

Я больше ничего не сказал и замолчал, выжидая. Ей не понадобилось много времени, чтобы понять: ее попросили удалиться.

– Но здесь и сейчас я вам не требуюсь, не так ли?

– Верно. Нам нужно обсудить дело, и самым лучшим и наиболее правильным для Льюиса будет присутствие при этом только его команды. Право адвоката не разглашать информацию, полученную от клиента, не распространяется на других лиц. Вас могут вынудить свидетельствовать против своего сына.

– Но если я уйду, как Льюис доберется домой?

– У меня есть шофер. Он его доставит.

Она посмотрела на Доббса в надежде, что тот, возможно, имеет большой вес и сумеет отменить мое распоряжение. Доббс, улыбнувшись, поднялся, предупредительно намереваясь отодвинуть для нее стул от стола. В конце концов она все же позволила ему это сделать и встала, чтобы удалиться.

Доббс сопровождал ее аж за дверь конференц-зала, и я видел, как они обмениваются репликами в коридоре. Я не слышал, о чем они говорят. Потом она ушла, а адвокат вернулся и закрыл за собой дверь.

Я сообщил Руле некоторую предварительную информацию: что ему придется через две недели присутствовать на вынесении обвинения и подать соответствующее официальное ходатайство. Он

получит возможность уведомить штат, что не отказывается от права на безотлагательное судебное разбирательство.

– Вот первое решение, которое нам предстоит принять, – сказал я. – Хотите ли вы, чтобы тяжба растянулась на долгие месяцы, или предпочитаете продвигаться вперед быстро, оказывая давление на штат.

– А каковы варианты? – спросил Доббс.

Я взглянул на него, потом – вновь на Руле.

– Буду с вами полностью откровенным. Когда мой подзащитный не находится под стражей, я лучше потяну дело. В конце концов речь идет о свободе человека – так почему бы не извлечь максимум из ситуации, прежде чем молоток опустится?

– Вы говорите о клиенте, который виновен, – уточнил Руле.

– С другой стороны, – продолжал я, – если в выстроенной гособвинением версии есть слабые места, тогда отсрочка только сыграет штату на руку. Они выиграют время и усилят свои позиции. Видите ли, это наш единственный рычаг воздействия. Если мы не станем отказываться от права на безотлагательное судебное разбирательство, то это окажет сильное давление на прокурора.

– Я не совершал того, что мне вменяют, – сказал Руле. – Я не собираюсь тянуть резину, я хочу, чтобы все это дерьмо поскорее закончилось.

– Если мы воспользуемся правом немедленного рассмотрения дела, тогда теоретически они назначат вам дату суда в пределах шестидесяти дней с момента предъявления обвинения. Однако срок продлевается, когда на предварительном слушании судья рассматривает свидетельские показания и решает, достаточно ли материалов для суда. Стандартная процедура. Судья может отложить процесс, тогда вам вновь будет предъявлено обвинение и таймер заново установят на шестьдесят дней.

– Не могу поверить! – сказал Руле. – Эта проклятая дребедень будет тянуться вечно.

– Мы, конечно, могли бы отказаться от права на предварительное слушание. Оно только усилит их позиции. В вашем случае дело передали молодому прокурору. Тяжкие уголовные преступления ему в новинку. Постараемся воспользоваться этим.

– Погодите минуту, – сказал Доббс. – Разве предварительное слушание не даст возможность увидеть, какими свидетельствами располагает штат?

– По правде сказать, нет, – ответил я. – Теперь уже нет. Некоторое время назад законодатели постарались упростить судебную процедуру и превратили предварительное слушание в чистую формальность. Они практически стали учитывать свидетельства с чужих слов. Сейчас просто ставят на свидетельское место копа, который вел следствие, и он излагает судье показания всех остальных. Защита обычно даже не видит свидетелей. Если вы спросите меня, то наилучшей стратегией будет вынудить обвинение либо показать товар лицом, либо прикрыть лавочку. Заставить их уложиться в шестьдесят дней с момента предъявления обвинения. Как говорится, или докажи, что ты можешь, или заткнись.

– Мне нравится эта идея, – сказал Руле. – Я хочу побыстрее покончить со всем этим.

Я мысленно усмехнулся. Он произнес это, как если бы вердикт «невиновен» был только делом времени.

– Что ж, может статься, дело даже не дойдет до суда, – предположил Доббс. – Если предъявленные обвинения не выдержат проверки временем...

– Окружной прокурор не намерен отступать, – перебил его я. – Обычно копы предъявляют обвинения по максимуму, а потом окружной прокурор их сокращает. Здесь такого не произошло. Напротив, окружной прокурор их повысил. Это свидетельствует, во-первых, о том, что для них дело имеет особое значение, а во-вторых – что, когда мы начнем торговаться, они немного отступят.

– Под «торговаться» вы подразумеваете сделку о признании вины?^[15] – спросил Руле.

– Да, о досудебном разрешении дела.

– Забудьте об этом, никакого признания. Я не собираюсь садиться в тюрьму за то, чего не совершал.

– Это не обязательно означает тюремный срок. У вас нет судимостей, биография чистая, хорошее...

– Мне наплевать, что я смогу свободно перемещаться. Я не намерен признавать себя виновным в том, чего не совершал. Если для вас это проблема, тогда нам лучше расстаться прямо сейчас.

Я пристально посмотрел на него. Почти все мои клиенты клянутся в своей невиновности. Особенно в нашем первом совместном деле. Но слова Руле прозвучали с горячностью и прямоотой, каких я не встречал уже давно. Лгуны мямлят и запинаются. Они отводят взгляд. Глаза Руле вцепились в меня намертво.

– Нужно также учитывать возможность гражданского иска, – добавил Доббс. – Признание себя виновным позволит этой женщине...

– Я понимаю, – снова перебил я его. – Думаю, мы сейчас торопим события. Я лишь хотел дать Льюису общее представление о том, как все может сложиться. От нас еще по крайней мере недели две не потребуются никаких незамедлительных действий и окончательных решений. Только к моменту предъявления обвинения мы должны определиться, какой линии будем придерживаться.

– Льюис год проучился в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, – сказал Доббс. – Думаю, представляет себе ситуацию.

Руле кивком подтвердил.

– Добро, – сказал я. – Тогда приступим. Льюис, давайте начнем с вас. Ваша мать сказала, что надеется увидеть вас за обедом. Вы живете вместе? Я имею в виду, в ее доме?

– Я живу в гостевом домике. Она живет в самом доме.

– Кто-нибудь еще проживает на территории вашего владения?

– Да, горничная. В доме.

– Ни братьев, ни сестер, ни друзей-подруг?

– Нет.

- И вы работаете в фирме своей матери?
- Скорее, я ею управляю. Сама она сейчас уже не так много времени уделяет ей.
- Где вы были вечером в субботу?
- В суббо... вы, наверное, имеете в виду вчера, в воскресенье?
- Нет, я имею в виду вечер субботы. Начните оттуда.
- В субботу вечером я ничего не делал. Сидел дома и смотрел телевизор.
- Один?
- Да.
- Что вы смотрели?
- Фильм на дивиди. Старый фильм Копполы «Разговор».
- Итак, никого с вами не было и никто вас не видел. Вы просто посмотрели кино, а потом пошли спать?
- В общем, да.
- В общем, да. Хорошо. Переходим к воскресенью. Что вы делали вчера в течение дня?
- Играл в гольф в «Ривьере», в обычной своей компании из четырех человек. Потом пришел домой, принял душ и переоделся, пообедал в доме матери... Вы хотите знать, что мы ели?
- В этом нет необходимости. Но позднее мне, возможно, потребуются имена людей, с которыми вы играли в гольф. Что было после обеда?
- Я сказал матери, что иду к себе, но вместо этого вышел из дому. Я заметил, что Левин уже начал делать пометки в маленькой записной книжке, которую достал из кармана.
- На какой машине вы ездите?
- У меня их две: «рейнджровер» две тысячи четвертого года, на нем я езжу с клиентами показывать недвижимость, и «порше-каррера» две тысячи первого – для меня лично.
- Значит, вчера вечером вы поехали на «порше»?
- Верно.
- Куда вы поехали?

– Я поехал за перевал. В долину.

Прозвучало это так, словно мальчик из Беверли-Хиллз сделал рискованный шаг и спустился в соседнюю долину Сан-Фернандо, в рабочие районы.

– Куда именно вы поехали?..

– На бульвар Вентура. Я пропустил стаканчик в «Нэтс-Норт», а затем немного проехал по улице до «Моргана», где тоже выпил.

– В этих заведениях легко кого-нибудь подцепить, вы согласны?

– Да. За тем я туда и поехал.

Он произнес это как нечто само собой разумеющееся, и я оценил его честность.

– То есть вы хотели кого-то найти. Женщину. Какую-то определенную, кого вы знали?

– Нет, ничего такого. Я искал, с кем перепихнуться, только и всего.

– Что произошло в «Нэтс-Норт»?

– Только то, что там было довольно уныло и скучно, никаких перспектив, поэтому я ушел. Я даже не допил свою порцию.

– Вы часто там бываете? Бармены вас знают?

– Да, они меня знают. Вчера работала девушка по имени Пола.

– Ясно, стало быть, там ничего не срослось и вы ушли. Вы поехали в бар «Морган». Почему именно туда?

– Просто еще одно заведение, где я бываю.

– Там вас знают?

– Должны знать. Я плачу хорошие чаевые. Вчера вечером за стойкой работали Дениз и Дженис. Они меня знают.

Я повернулся к Левину:

– Анхель, как зовут жертву?

Левин открыл досье и достал из него полицейский отчет, но ответил раньше, чем заглянул в него.

– Реджина Кампо. Друзья зовут ее Реджи. Двадцать шесть лет. Сообщила полиции, что она актриса, работает на телефоне в юридической консультации.

– И надеюсь, это ненадолго, – добавил Доббс.

Я проигнорировал его выпад.

– Льюис, вы знали Реджину Кампо до вчерашнего вечера? – обратился я к молодому человеку.

Руле пожал плечами:

– В каком-то смысле. Я видел ее, она часто крутилась в баре и в окрестностях. Но я не был с ней знаком. Даже никогда не заговаривал.

– А пытались?

– Нет, как-то не удавалось к ней подобраться. Она всегда была с кем-то еще, и даже не с одним. Не люблю продираться сквозь толпу, знаете ли. Я ищу свободных.

– Что изменилось вчера?

– Вчера она сама ко мне подошла – вот что изменилось.

– Расскажите нам об этом.

– Тут не о чем рассказывать. Я тихо-мирно сидел у стойки, прикидывал варианты, а она сидела на другом конце, причем с каким-то типом. Так что я даже не обратил на нее внимания, потому что, судя по всему, ее уже зарезервировали, понимаете?

– Угу... Так что же произошло?

– Ну, через некоторое время человек, с которым она разговаривала, встает – не знаю, отлить или покурить, – и как только он выходит за дверь, она снимается с места, проходит потихоньку вдоль стойки ко мне и спрашивает, не интересуюсь ли я. Я отвечаю, что да, интересуюсь, но как, мол, насчет того парня, который уже с ней? Она говорит, мол, не беспокойся, к десяти он уйдет и на остаток вечера она свободна. Написала мне свой адрес и велела подходить после десяти. Я сказал, что приду.

– На чем она написала адрес?

– На салфетке, но ответ на ваш следующий вопрос будет «нет» – я ее не сохранил. Адрес запомнил, а салфетку выбросил. Я работаю в сфере недвижимости. Я умею запоминать адреса.

– Примерно во сколько это произошло?

– Не знаю.

– Но ведь она сказала – подходить к десяти. Вы же наверняка посмотрели на часы, чтобы уточнить, сколько придется ждать?

– Я думаю, где-то между восьмью и девятью. Как только мужик вернулся, они ушли из бара.

– А когда вы покинули бар?

– Я пробыл несколько минут, а затем тоже ушел. Я заехал еще в одно заведение, прежде чем пошел к ней.

– Куда именно?

– Ну, она жила в Тарзане, так что я поехал на север, в «Фонарщик», он находился по пути.

– Зачем?

– Ну, понимаете, я хотел посмотреть, не подвернется ли что там. Нет ли чего получше, так чтобы не зря болтаться или...

– Или что?

Он так и не окончил своей мысли.

– Снять другую?

Он кивнул.

– Хорошо, и с кем вы разговаривали в «Фонарщике»? Где это, кстати?

Единственное питейное заведение из его рассказа, которое я не знал.

– На бульваре Вентура, рядом с Уайт-Оук. Там я фактически ни с кем не говорил. Было полно народу, но, ей-богу, никого, кто бы меня заинтересовал.

– Бармены вас знают?

– Нет, пожалуй. Нет. Я там не часто появляюсь.

– Обычно вам везет, прежде чем вы добираетесь до третьего бара?

– Не-а, обычно я просто сдаюсь после второй попытки.

Я глубокомысленно кивнул, только лишь затем, чтобы выиграть время и подумать, о чем еще спросить, перед тем как перейти к событиям в доме жертвы.

– Как долго вы пробыли в «Фонарщике»?

– Я бы сказал, около часа. Может, чуть меньше.

– У барной стойки? Сколько вы выпили?

– Две порции, у стойки.

– Сколько всего вы выпили вчера вечером, до того как отправились в квартиру Реджи Кампо?

– Мм... четыре, самое большее. За два... два с половиной часа. Один напиток остался нетронутым. «Морган».

– Что вы пили?

– Мартини.

– Вы расплачивались кредиткой в этих заведениях? – Левин задал свой первый вопрос с начала беседы.

– Нет, – покачал головой Руле. – Когда я хожу развлекаться, я плачу наличными.

Я посмотрел на Левина, молчаливо вопрошая, есть ли у него еще вопросы. На данный момент он знал о деле больше, чем я. Я хотел предоставить ему свободу действий. Тот согласно кивнул, готовый к бою.

– Ладно. Сколько было времени, когда вы добрались до жилища Реджи Кампо?

– Без двенадцати десять. Я специально посмотрел на часы. Хотел удостовериться, что не постучусь в дверь слишком рано.

– И чем вы занимались все это время?

– Ждал на стоянке. Она сказала в десять, поэтому я ждал до десяти.

– Вы видели, как от нее вышел тот человек, с которым она ушла из «Моргана»?

– Да, я его видел. Он вышел и уехал, а я пошел вверх.

– На чем он уехал? Что за машина? – спросил Левин.

– Желтый «корвет». Модель девяностых. Точно года не знаю.

На этом вопросы Левина исчерпались. Я понимал, что он просто пытается подобраться к человеку, что был в квартире Реджи Кампо до Руле. Я снова перехватил нить беседы:

– Итак, значит, он вышел, а вы вошли. Что было дальше?

– Я вхожу в здание, ее квартира на втором этаже, я поднимаюсь и стучу, она открывает, я вхожу.

– Погодите секунду. Мне не нужна стенография. Вы поднялись наверх. Как? По лестнице, на лифте? Расскажите подробности.

– На лифте.

– Кто-нибудь вас видел? Вы кого-нибудь?

Руле отрицательно покачал головой. Я сделал ему знак продолжать.

– Она чуть приоткрыла дверь, увидела, кто это, и пригласила войти. За дверью находился какой-то коридорчик, так что было довольно тесно. Я прошел вперед, чтобы она могла закрыть дверь. Вот почему она оказалась у меня за спиной. И поэтому я ничего не заметил. У нее в руке что-то было. Она меня этим ударила, я упал и сразу вырубился.

Я молчал, раздумывал над услышанным, стараясь нарисовать в голове эту картину.

– Выходит, она вас просто нокаутировала с самого начала? Она ничего не сказала, не выкрикнула, просто подошла сзади с чем-то тяжелым – и бабах?

– Верно.

– Ну и что потом? Что вы помните?

– Все до сих пор как в тумане. Помню, как очнулся и увидел, что на мне сидят те два типа. Прижимают меня к полу. Потом приехала полиция. И «скорая». Помню, сидел, прислоненный к стене, в наручниках, а санитар совал мне под нос нашатырный спирт; вот тогда я действительно очнулся.

– Вы по-прежнему находились в квартире?

– Да.

– А где была Реджи Кампо?

– Она сидела на кушетке, и, пока другой санитар занимался ее лицом, истерично вопила и заправляла копу, что я на нее напал. Всю эту брехню. Что я вдруг ворвался, застиг ее врасплох и ударил в дверях кулаком. Якобы сказал, что собираюсь ее изнасиловать и

убить, – чушь, которой я не делал! Я изогнулся, чтобы посмотреть на скованные за спиной руки, и увидел, что одну руку обернули чем-то вроде пластикового пакета, а на руке кровь. И тогда я понял: все это нарочно подстроили.

– Что вы имеете в виду?

– Она измазала мне левую руку кровью, чтобы выглядело, будто я ее ударил. Но я не левша. Если бы я хотел кого-то ударить, я бы действовал правой.

Он изобразил в воздухе боксерское движение, чтобы проиллюстрировать на тот случай, если до меня не дошло. Я поднялся с места и прошел к окну. Солнце уже спустилось ниже уровня окна. Я смотрел сверху вниз на закат и чувствовал неясное беспокойство. Рассказ Руле был таким неправдоподобным, что мог, как ни странно, оказаться правдой. И это меня тревожило. Я всегда боялся, что не смогу распознать невиновного человека, если с ним столкнусь. Такая вероятность в моей работе являлась настолько малой, что я мог быть неготовым к подобной ситуации и ее проморгать.

– Хорошо, давайте еще немного поговорим об этом, – сказал я, любуясь великолепной панорамой. – Вы утверждаете, что, чтобы вас подставить, она измазала кровью вашу руку. Причем левую. Но если она намеревалась вас подставить, то почему не правую – ведь большинство людей правши? Разве она не стала бы ориентироваться на большинство? – Я повернулся к столу, но встретил от каждого из присутствующих лишь бесстрастный, ничего не выражающий взгляд. – Вы сказали, она лишь чуть приоткрыла дверь, перед тем как вас впустить. Вы видели ее лицо?

– Не полностью.

– Что именно вам было видно?

– Ее глаз. Ее левый глаз.

– А вы вообще видели правую сторону ее лица, когда входили в квартиру?

– Нет, ее заслонила дверь.

– Вот оно! – взволнованно произнес Левин. – Когда он пришел, у нее уже были все эти повреждения. Она прячет их от него, потом он входит, и она наносит удар. Ее лицо уже было разбито с правой стороны, поэтому ей пришлось вымазать кровью его левую руку.

Я кивал, размышляя над логикой услышанного. Аргумент казался разумным.

– Ясно, – сказал я, поворачиваясь спиной к окну, но продолжая мерить шагами комнату. – Думаю, это сработает. Пошли дальше. Льюис, вы упомянули, что и прежде видели эту женщину в том баре, но никогда не имели с ней дела. Значит, она вас тоже не знала. Тогда с какой стати ей вас подставлять? Зачем она все это проделала?

– Деньги! – последовал ответ.

Но принадлежал он не Руле, а Доббсу. Я повернулся и посмотрел на него. Он знал, что высказался вне очереди, но, похоже, его это не заботило.

– Это же очевидно, – продолжал семейный адвокат. – Она хочет содрать с него денег, с его семьи. Пока мы здесь беседуем, возможно, она уже лепит ему гражданский иск. Уголовные обвинения – это только прелюдия к гражданской тяжбе, чтобы его обчистить. Вот какова ее подлинная цель.

Я вернулся на свое место и обменялся взглядом с Левином.

– Сегодня в суде я видел фото этой женщины, – сказал я. – Поллица у нее превращено в сплошное месиво. Вы говорите, нам надо строить свою защиту на том, что она сама учинила над собой такое?

Левин вытащил из папки листок бумаги – черно-белую ксерокопию фотографии, представленной в суде, – той, что показала мне Мэгги Макферсон. Распухшее, в кровоподтеках лицо Реджи Кампо. Ксерокопия не производила должного впечатления. Источник Левина хорош, но не настолько, чтобы предоставить ему оригиналы. Детектив пододвинул изображение к Доббсу и его подопечному.

– При официальной передаче материалов дела мы получим от обвинения подлинные снимки, – сказал я. – Там ее лицо выглядит

много хуже, и если отталкиваться от вашей версии, то нам придется попотеть, убеждая присяжных в своей правоте.

Я наблюдал, как Руле рассматривает фотографию. Может, он и нападал на Реджи Кампо, но на лице его никак не отразилось, что он изучает деяние собственных рук. На нем вообще ничего не отразилось.

– И знаете, что я вам скажу? Я хороший адвокат и умею убеждать в зале суда. Но даже мне с трудом верится в эту историю.

Глава 9

Теперь настала очередь Левина подключиться и вступить в беседу. Ранее мы с ним уже говорили на эту тему по телефону, пока я ехал в Сенчури-Сити, перекусывая бутербродом с ростбифом. Тогда я подключил свой сотовый к устройству громкой связи в машине и велел шоферу вставить в уши наушники. В первую же неделю работы Эрла я купил ему плеер айпад. Левин изложил мне основные моменты дела, в том минимальном объеме, чтобы подготовиться к первоначальной беседе с клиентом. Сейчас Левин должен был взять у меня бразды правления и пройтись по материалам дела уже более детально – имея на руках полицейские донесения и отчеты о свидетельских показаниях. Ему предстояло, выступив в роли обвинения, камня на камне не оставить от версии Льюиса Руле. Я хотел, по крайней мере на начальной стадии, возложить эту неприятную задачу именно на Левина: пускай выступит в роли плохого полицейского – тогда я, наоборот, предстану хорошим. Тем, к кому Руле проникнется симпатией и доверием.

Левин, помимо копий полицейских отчетов, добытых через своего информатора, располагал собственными записями. В принципе все было совершенно законно: на эти материалы защита имела полное право, и они ей официально полагались в порядке представления документов по делу. Но, как правило, через судебные источники они поступали спустя недели – вместо нескольких часов, которые потребовались Левину.

– Вчера вечером, в десять часов одиннадцать минут, – начал он, устремив взгляд в свои документы, – в полицейское ведомство Лос-Анджелеса поступил экстренный вызов от Реджины Кампо, проживающей в доме семьдесят шесть по бульвару Уайт-Оук, квартира два-одиннадцать. Она сообщила, что в ее квартиру вломился неизвестный и напал на нее. Патрульные полицейские подъехали к зданию в десять семнадцать. Видимо, ночь выдалась

спокойной, потому прибыли они на место довольно быстро. Обычно приезд по срочному вызову занимает больше времени. Так или иначе, на парковке перед домом патрульных встретила мисс Кампо, которая сказала, что сумела убежать из квартиры. Она сообщила полицейским, что в тот момент там находились двое ее соседей: Эдвард Тернер и Рональд Аткинс, – которые задержали нарушителя. Офицер Сантос поднялся в квартиру и обнаружил подозреваемого – им оказался мистер Руле – лежащим на полу, под полным контролем Тернера и Аткинса.

– Это те самые два гомика, что сидели на мне, – выпалил Руле.

Я бросил на него взгляд и заметил в глазах вспышку гнева, которая тут же погасла.

– Офицеры взяли подозреваемого под стражу, – продолжал Левин, словно не заметив реплики. – Мистер Аткинс...

– Погоди минуту, – сказал я. – Где именно на полу его нашли? В какой комнате?

– Не сказано.

Я вопросительно посмотрел на Руле.

– В гостиной. Недалеко от входной двери. Дальше мне так и не удалось пройти.

Прежде чем продолжить, Левин сделал для себя пометку.

– Мистер Аткинс предъявил раскрытый складной нож, который, по его словам, обнаружили на полу рядом с нарушителем. Полицейские надели наручники на подозреваемого, затем вызвали медиков, чтобы оказать первую помощь Кампо, а также Руле – у него имелись рваная рана и легкая контузия. Кампо отправили в медицинский центр «Холи-Кросс» для дальнейшего медицинского обследования и фотоосвидетельствования экспертом-криминалистом. Руле арестовали и определили в ван-найсский следственный изолятор. Квартиру мисс Кампо опечатали для обработки места преступления, а дело передали следователю Мартину Букеру из полицейского отделения долины Сан-Фернандо.

Левин разложил на столе фотокопии других полицейских снимков, запечатлевших телесные повреждения Реджины Кампо: фотографии лица анфас и в профиль и два крупных плана шеи – с синяками и маленьким следом точечного прокола слева под челюстью. Качество копий было плохое, и я понимал, что серьезного изучения они не заслуживают. Но все же заметил, что все повреждения находятся с правой стороны лица. Руле оказался прав на этот счет. Либо кто-то неоднократно ударил ее левой рукой, либо она сама ударила себя правой.

– Эти снимки сделаны в больнице, и там же мисс Кампо сделала заявление детективу Букеру. Суммируя ее показания, можно сказать, что она пришла домой вечером в субботу примерно в восемь тридцать и оставалась одна, пока около десяти не послышался стук в дверь. Мистер Руле представился ее знакомым, поэтому мисс Кампо открыла дверь. После чего незнакомец с ходу ударил ее кулаком в лицо, а затем поволок внутрь квартиры. При этом преступник, войдя, запер за собой дверь. Мисс Кампо сделала попытку защититься, но получила по меньшей мере еще два удара и упала на пол.

– Какая чушь! – завопил Руле.

Он стукнул обоими кулаками по столу и вскочил, при этом его стул откатился и громко врезался в широкое окно сзади.

– Эй-эй, полегче, – предостерег его Доббс. – Ты разобьешь мне окно, а тут как в самолете. Нас всех вытянет наружу, и мы полетим вниз.

Никто не улыбнулся в ответ на его попытку пошутить.

– Льюис, сядьте на место, – спокойно произнес я. – Это всего лишь полицейские отчеты, ни больше ни меньше. В них не обязательно должна содержаться правда. Здесь представлена точка зрения на случившееся одного человека. Наша задача сейчас – просто получить первое представление о деле, понять, с чем мы столкнулись, чему будем противостоять.

Руле прикатил свой стул обратно к столу и сел без дальнейших возражений. Я кивнул Левину, и тот продолжил. Я заметил, что Руле

давно перестал вести себя как кроткая, смиренная жертва, которая предстала передо мной сегодня утром в камере.

– Мисс Кампо заявила, что у напавшего на нее человека, когда тот ее бил, кулак был обернут белой тряпкой.

Я бросил взгляд через стол на руки Руле и не увидел никаких опухлостей или ссадин на костяшках пальцев. Обертывание кулака тряпкой могло позволить ему избежать столь красноречивых примет.

– Тряпку приобщили к уликам? – спросил я.

– Да, – ответил Левин. – В описи вещественных доказательств она названа столовой салфеткой со следами крови. И кровь, и ткань сейчас находятся на экспертизе.

Я кивнул и обратился к Руле:

– Полицейские осмотрели ваши руки или сфотографировали?

– Детектив только осмотрел мои руки, – кивнул Руле. – Но снимков никто не делал.

Я кивнул и велел Левину продолжать.

– Нарушитель сел на лежащую на полу мисс Кампо и схватил ее одной рукой за шею. Он сообщил мисс Кампо, что собирается ее изнасиловать и ему не важно, будет она при этом жива или мертва. Женщина не могла ответить, потому что подозреваемый душил ее. Когда он ослабил давление, она, по ее словам, сказала, что не будет сопротивляться.

Левин выложил на стол еще одну фотокопию – снимок складного ножа с черной рукояткой, заточенного до убийственной остроты. Это объясняло ранку под челюстью жертвы на предыдущем фото.

Руле подвинул фото к себе, чтобы взглянуть повнимательнее.

– Это не мой нож, – медленно покачал он головой.

Я не ответил, и Левин продолжил:

– Подозреваемый и жертва встали. Он велел ей идти вперед и вести его в спальню, занимая позицию позади и прижимая острие ножа к левой стороне горла женщины. Когда мисс Кампо вошла в короткий коридорчик, ведущий в две имеющиеся в квартире спальни, она резко повернулась в тесном пространстве и толкнула

подозреваемого на большую напольную вазу. После того как он, споткнувшись, упал, она метнулась в направлении входной двери. Сообразив, что преступник вскочит и настигнет ее раньше, чем она успеет выскочить за дверь, она по пути нырнула в кухню и схватила со стойки бутылку водки. В то время как нарушитель, пытаясь догнать ее, проходил мимо кухни, мисс Кампо шагнула из засады и ударила его бутылкой по затылку, отчего он свалился на пол. Тогда мисс Кампо перешагнула через упавшего и отперла входную дверь. Она выбежала из квартиры и вызвала полицию из нижней квартиры, которую снимают Тернер и Аткинс. Сами они поднялись этажом выше, где нашли подозреваемого на полу, в бессознательном состоянии. Когда он начал приходить в себя, они обездвижили его и остались в квартире до прибытия полиции.

– Это невысказано! – воскликнул Руле. – Сидеть здесь и выслушивать всякие бредни! Не могу поверить, что все это происходит со мной! Все это как сон. Я этого не делал. Она лжет! Она...

– Если все это ложь, тогда данное дело станет самым легким в моей практике, – сказал я. – Я порву ее в клочья и выкину потроха в море. Но нам необходимо знать версию, представленную ею для протокола, – с тем чтобы иметь возможность расставить свои силки и капканы и начать охоту. И если вам кажется очень трудным выдержать наше сегодняшнее заседание – погодите, пока мы дойдем до суда: тогда прения вместо минут будут тянуться дни. Вам надо научиться себя обуздывать, Льюис. Вы должны помнить, что ваш черед высказаться настанет.

Доббс похлопал Руле по руке ниже локтя – этаким славным отеческим жестом. Тот отдернул руку.

– Чертовски правильно открыть на нее охоту, – сказал он, запальчиво нацелив палец через стол в мою сторону. – Я хочу, чтобы вы обрушились на нее всей мощью, какой мы располагаем.

– Именно за этим я здесь, и не сомневайтесь, я это сделаю. А теперь позвольте мне задать компаньону несколько вопросов,

прежде чем мы завершим нашу сессию.

Я сделал паузу в ожидании, что Руле еще что-нибудь скажет. Но тот молчал. Он откинулся назад в кресле и стиснул кисти рук.

– У тебя все, Анхель? – спросил я.

– На данный момент да. Я пока еще работаю над отчетами. Завтра утром должен получить расшифровку телефонного вызова в Службу спасения, и тогда появится больше материала.

– Отлично.

– Что там в отношении изнасилования?

– Никаких экспертиз не проводилось. В отчете Букера говорится, она от них отказалась, поскольку до изнасилования дело не дошло.

– Что за экспертизы? – спросил Руле.

– При изнасиловании в условиях больничного стационара проводится следственная процедура, при которой с тела жертвы собирают жидкие выделения, частички волос и других тканей организма, – ответил Левин.

– Никакого изнасилования не было! – воскликнул Руле. – Я ее и пальцем не...

– Нам это известно, – перебил я. – Я спросил не поэтому. Я ищу слабые места в выстроенной штатом обвинительной версии. Жертва сказала, что ее не насиловали, но, согласно отчетам, преступление определенно носит сексуальный характер. Обычно полиция настаивает на проведении экспертиз, даже если жертва заявляет, что насилию не подвергалась. Они проводят их просто на тот случай, если жертва на самом деле была изнасилована, но ей слишком унижительно говорить об этом или же она пытается скрыть подробности преступления – например, от мужа или родственников. Вообще, это стандартная процедура, и тот факт, что она смогла уговорить следствие обойтись без нее, может оказаться для нас важным.

– Она не хотела, чтобы в ней обнаружили ДНК первого парня, – предположил Доббс.

– Допустим, – согласился я. – Это может вообще означать все, что угодно, а также стать слабым звеном в деле, трещиной, выгодной для нас. Идем дальше. Анхель, есть какое-либо упоминание о том человеке, которого Льюис видел с ней?

– Нет, никакого. Он в отчетах не фигурирует.

– А что обнаружили на месте преступления?

– Этого отчета у меня нет, но мне сказали, что во время тщательного обыска в квартире не нашли сколько-нибудь значимых улик.

– Хорошо. Никаких сюрпризов. Что с ножом?

– На ноже кровь и отпечатки пальцев. Но никаких следов, указывающих на владельца. Маловероятно, что удастся установить, кому он принадлежит. Каждый может купить такие складные ножи в любом магазине рыболовного и туристского снаряжения.

– Говорю вам, это не мой нож, – повторил Руле.

– Приходится предположить, что отпечатки на нем принадлежат тому, кто предъявил нож полиции, – сказал я.

– Аткинсу, – подсказал Левин.

– Да, Аткинсу. Но меня не удивит, – продолжил я, поворачиваясь к Руле, – если и ваши на нем тоже обнаружатся. Неизвестно, что там происходило, пока вы находились без сознания. Если она нарочно измазала вам руку кровью, то вполне вероятно, что и ваши пальцы прижала к ножу.

Руле кивнул в знак согласия и собрался что-то сказать, но я его опередил и обратился к Левину:

– Она делала какие-нибудь заявления по поводу пребывания в «Моргане» в тот самый вечер, еще до прихода Руле?

Левин покачал головой:

– Нет, допрос жертвы проводился в пункте оказания первой помощи. Он был неформальным, носил общий характер, и более ранние события того вечера не затрагивались. Она не упоминала другого парня и вообще не упоминала бар «Морган». Просто сказала, что была дома с половины девятого. Ее спрашивали о том,

что случилось в десять. Я уверен, эти пробелы восполнятся в ходе вторичного этапа расследования, как говорится, «по холодным следам».

– Хорошо, если состоится официальный допрос относительно предшествовавших событий, я хочу иметь его распечатку.

– Само собой. Тогда допрос проведут по всем правилам, запишут на видео.

– И если место преступления тоже заснимут на видео, я хочу и его видеть.

Левин серьезно кивал. Он понимал, что сейчас я просто устраиваю шоу для клиента и досточтимого Доббса, давая им почувствовать, насколько хорошо владею ситуацией и что у меня задействованы все нужные рычаги. В действительности же мне вовсе не требовалось давать Анхелю Левину всех этих указаний. Он и без того знал, что надо делать и какие материалы для меня добыть.

– Так, что еще? – спросил я. – У вас есть какие-нибудь вопросы, Сесил?

Доббс, казалось, удивился, что фокус внимания неожиданно переместился на него. Он поспешно помотал головой:

– Нет-нет, меня все устраивает. Мы хорошо продвигаемся, делаем серьезные успехи.

Я не понял, что он подразумевал под продвижением, но не стал останавливаться на этой реплике.

– Так что вы обо всем этом думаете? – обратился ко мне Руле.

Я посмотрел на него и выдержал длительную паузу, прежде чем ответить.

– Я думаю, штат выстроил против вас сильную обвинительную версию. У них есть вы, который присутствовал в доме жертвы, есть нож и нанесенные жертве телесные повреждения. А также улика в виде ее крови на вашей руке. Вдобавок фотографии оказывают мощное воздействие. И конечно же, у них есть ее свидетельские показания. Поскольку я никогда не видел эту женщину и не говорил с ней, то не могу сказать, насколько убедительна она будет. – Я снова

замолчал, чтобы выжать что можно из еще более долгой паузы. – Но есть много такого, чего им не хватает. Нет свидетельств незаконного вторжения, нет ДНК подозреваемого, нет мотива и даже нет подозреваемого с мало-мальски криминальной биографией. Ведь существует масса оснований, причем законных, по которым вы могли находиться в ее квартире. Плюс...

Я скользнул взглядом по Руле и Доббсу и посмотрел в окно. Солнце как раз садилось за Анакапу, окрашивая небо в розово-пурпурные тона. Это зрелище превосходило все, что я когда-либо видел из окна своего офиса.

– Плюс что? – тревожно спросил Руле, не дождавшись, пока я сам договорю.

– Плюс у вас есть я. Я вывел из игры Свирепую Мэгги. Новый обвинитель неплох, но он молод и неопытен и никогда не сталкивался прежде с подобными делами.

– Так каков будет наш следующий шаг? – спросил Руле.

– Следующий шаг будет за Анхелем, который продолжит свои изыскания. От него требуется разнюхать все, что в наших силах, об этой так называемой жертве и выведать, почему она солгала, что была одна. Нам надо выяснить, что она собой представляет и кто ее таинственный партнер, а также посмотреть, как это может сыграть нам на руку.

– А что будете делать вы?

– Я буду поддерживать связь с обвинителем. Налажу с ним контакт, постараюсь понять, к чему он клонит, и тогда мы сделаем выбор, каким путем следовать. У меня нет сомнений, что я найду подход к окружному прокурору и развенчаю все их построения, сведя дело к чему-то более приемлемому. Тогда вы сможете обратиться с соответствующим ходатайством и отделаться малой кровью. Но это потребует некоторой уступки. Вам придется...

– Я уже сказал. Я не стану...

– Я знаю, что вы сказали, но вы должны меня выслушать. Вероятно, мне удастся свести дело к так называемому заявлению о

нежелании оспаривать обвинение – так что вам фактически даже не придется произносить слово «виновен». Но я не могу себе представить, чтобы штат полностью снял все обвинения. Вам, так или иначе, придется признать ответственность в какой-то части. Есть возможность избежать отсидки в тюрьме – правда, придется выполнять работы в коммунальной сфере. Итак, это я озвучил. Далее. Как ваш судебный поверенный, я обязан уведомить вас об имеющихся возможностях и убедиться, что вы их осознаете. Я понимаю, это совсем не то, чего бы вам хотелось, но мой долг честно и объективно рассказать, какая у вас альтернатива. Ясно?

– Да. Излагайте.

– Вы, безусловно, понимаете, что всякие уступки с вашей стороны в уголовном деле сильно повышают шансы на успех любого гражданского иска, который вчинит вам мисс Кампо. Поэтому быстрое прекращение уголовного дела обойдется вам в конечном счете гораздо дороже, чем мой гонорар за защиту вас в суде.

Руле решительно покачал головой. Судебная сделка с признанием вины в наименее тяжком из вменяемых преступлений и без того им не рассматривалась.

– Я понимаю, какие у меня варианты, – сказал он. – Вы выполнили свой долг. Но я не собираюсь платить ей ни цента за то, чего не совершал. Я не собираюсь ни признавать себя виновным, ни даже просто отказываться оспаривать обвинения в несуществующих грехах. Скажите: если мы выйдем на процесс, сможем мы выиграть?

Прежде чем ответить, я некоторое время пристально смотрел ему прямо в глаза.

– Вы, конечно, понимаете: я не в силах предвидеть все, что может случиться до суда, и тут уж не берусь ничего гарантировать. Однако, судя по тому, что вижу сейчас, – да, я в состоянии выиграть это дело, – решительно произнес я. – Уверен.

Мне показалось, что в глазах у Руле зажглась надежда. Он увидел вдали просвет.

– Есть еще и третья возможность, – сказал Доббс.

Я перевел взгляд на адвоката, спрашивая себя, что за камешек он собирается подбросить в закрутившийся механизм моего доходного предприятия.

– И в чем же она состоит?

– Мы сами энергично проводим свое собственное расследование, выжимаем все, что можно, из этой женщины и обстоятельств дела. Вероятно, даже подключим своих людей в помощь мистеру Левину. Мы проделываем адскую работу, выстраиваем собственную версию, подкрепляем ее уликами и свидетельствами, а затем предъявляем окружному прокурору. Выходим, так сказать, наперерез, упреждающим порядком, еще до того, как дело дойдет до суда, и таким образом перехватываем инициативу у обвинения. Мы продемонстрируем этому зеленому новичку то слабое место, из-за которого он определенно проиграет, и заставим его снять все обвинения, прежде чем он публично облажается. Вдобавок, я уверен, он работает под началом человека, который заправляет тамошним офисом окружного прокурора и который потому весьма чувствителен к политическому нажиму. И мы будем этот нажим оказывать, пока дела не примут нужный нам оборот.

Я испытал желание пнуть Доббса ногой под столом. Его план не только подразумевал урезание моего крупнейшего за всю жизнь гонорара более чем в половину, не только львиная доля клиентских денег уйдет сыщикам, включая его собственных, но вдобавок этот план мог исходить только от юриста, который никогда за всю свою карьеру не выступал в роли судебного защитника в уголовном деле.

– Да, идея неплохая, но очень рискованная, – спокойно ответил я. – Если вы знаете, как разнести обвинение в пух и прах, и сунетесь к ним до суда, чтобы это продемонстрировать, вы тем самым дадите им в руки готовую подсказку, что надо делать и чего избегать в ходе процесса. Мне такая затея не импонирует.

Руле кивнул, выражая солидарность со мной, и Доббс несколько поутих, озадаченный. Я решил пока не развивать эту тему и поговорить с ним позднее, в отсутствие клиента.

– Как насчет СМИ? – спросил Левин, очень кстати меняя тему.

– Да, верно, – подхватил Доббс, радуясь возможности поговорить о другом. – Мой секретарь сказал, что меня дожидаются телефонные сообщения от двух газет и двух телеканалов.

– Меня, вероятно, тоже, – заметил я.

Я не стал упоминать, что сообщения, дожидающиеся Доббса, оставила по моей просьбе Лорна Тейлор. Дело еще не успело привлечь внимание массмедиа, кроме разве что того свободного художника с видеокамерой, который появился на суде первой инстанции. Но я хотел заставить Доббса, Руле и его мать поверить, что все они в любой момент могут оказаться на страницах газет под кричащими заголовками.

– Нам совершенно не нужна огласка в таком деле, – сказал Доббс. – Это наихудшая известность, какую только можно представить.

Похоже, он был мастер изрекать банальности.

– Всех представителей прессы направляйте ко мне, – сказал я. – Я знаю, как обращаться с массмедиа, и наилучший способ в данном случае – попросту их игнорировать.

– Но мы же должны сказать что-нибудь в его защиту, – возразил Доббс.

– Нет, мы не должны ничего говорить. Болтовня об уголовном деле подтверждает его существование. Если вы втягиваетесь в игру со СМИ, то не дайте сплетне тихо угаснуть. Информация – это их воздух. Без нее они задохнутся. По мне, лучше пусть задохнутся. Или, во всяком случае, подождите, пока совсем уже нельзя будет их избегать. И если такое случится, только один человек будет говорить от имени Льюиса. И этот человек – я.

Доббс нехотя выразил согласие. Я нацелил указательный палец в сторону Руле:

– Ни при каких обстоятельствах не разговаривайте с репортером, даже для того чтобы отвергнуть обвинения в свой адрес. Если они попытаются вступить с вами в контакт, отсылайте их ко мне. Поняли?

– Я понял.

– Отлично.

Я решил, что для первого совещания достаточно, и поднялся.

– А сейчас, Льюис, я отвезу вас домой.

Но Доббс не собирался так скоро выпускать подопечного из своих когтей.

– Вообще-то, я приглашен на обед матерью Льюиса, – сказал он. – Я мог бы его отвезти, поскольку все равно туда еду.

Я выразил лицом полное одобрение. Да, похоже, судебные адвокаты по уголовным делам никогда не удостоиваются приглашений на обед.

– Отлично, – сказал я. – В таком случае мы там с вами встретимся. Я хочу, чтобы Анхель увидел жилище Льюиса, а Льюис передаст мне чек, о котором мы говорили.

Если они решили, что я забыл о деньгах, то им предстояло еще многое обо мне узнать. Доббс посмотрел на Руле и согласно кивнул, как бы давая санкцию. Затем улыбнулся мне:

– Похоже на стоящий план. Тогда встретимся на месте.

Пятнадцать минут спустя я сидел вместе с Левином на заднем сиденье «линкольна». Мы следовали за серебристым «мерседесом», в котором ехали Доббс и Руле. Я связался по телефону с Лорной. Единственное важное сообщение поступило от Лесли Фэр, прокурора по делу Глории Дейтон, – Фэр приняла условия сделки.

– Итак, – сказал Левин, когда я захлопнул телефон. – Что ты обо всем этом думаешь?

– Я думаю, что на этом деле можно заработать кучу денег и скоро мы получим первый взнос. Извини, что тащу тебя за собой. Не хотел, чтобы казалось, будто я еду туда исключительно за чеком.

Левин понимающе посмотрел, но ничего не сказал. Через некоторое время я продолжил:

– Пока еще не знаю, что думать. Что бы ни произошло в той квартире, это произошло быстро. Ни изнасилования, ни ДНК. Для нас это шанс и надежда.

– Все это немного напоминает мне дело Хесуса Менендеса, только без ДНК. Ты его помнишь?

– Да, хотя лучше бы забыть.

Я старался не думать о моих прежних клиентах, которые сидели в тюрьме без надежды на апелляцию или какое-то послабление. Все, что ждало их впереди, – много томительных лет, которые тянутся и тянутся. Всякий раз я делаю все, что в моих силах, но порой и сделать ничего нельзя. Дело Хесуса Менендеса относилось как раз к таким.

– Как у тебя сейчас со временем? – спросил я, возвращаясь к действительности.

– У меня есть несколько других дел, но я могу их отложить.

– Над нашим делом тебе придется работать по вечерам. Надо, чтобы ты походил по барам. Я хочу знать все о нашем парне и о той девице. Пока дело выглядит просто. Мы опровергаем ее показания и громим всю обвинительную версию.

Левин кивнул. Он сидел, держа на коленях свой атташе-кейс.

– У тебя есть фотоаппарат?

– Всегда с собой.

– Когда приедем к ним в дом, сфотографируй пару раз Руле. Я не хочу, чтобы ты показывал в барах снимок, сделанный в полицейском участке. Это придаст расспросам ненужный оттенок. А ты можешь добыть фото женщины, где ее лицо не разбито?

– У меня есть, с ее водительских прав. Оно недавнее.

– Отлично. Пуси в ход оба портрета. Если найдем свидетеля, который видел, как она вчера вечером подходила к Руле в «Моргане», значит попали в яблочко.

– Именно с этого я и собирался начать. Дай мне неделю. Я появлюсь у тебя перед процедурой предъявления обвинения.

Я кивнул. Несколько минут мы ехали молча, размышляя над этим странным уголовным делом. Мы двигались мимо фешенебельных жилищ Беверли-Хиллз, держа путь в соседний район, где нас ждали большие деньги.

– И знаешь, что еще я думаю? Оставляя в стороне деньги и все прочее... есть шанс, что он не врет. Его история настолько замысловатая, что может оказаться правдой.

Левин тихонько присвистнул.

– Думаешь, что тебе вдруг попался невиновный человек?

– Это был бы первый случай. Знай я об этом сегодня утром, назначил бы более высокий гонорар. Наценку на невиновность. Если ты невиновен, должен платить больше, потому что защищать тебя гораздо труднее.

– Сущая правда...

Некоторое время я размышлял над возможностью невиновности клиента и таящихся здесь подводных камнях.

– Знаешь, что говорил мой отец о невиновных клиентах?

– Я думал, твой отец умер, когда тебе было лет шесть.

– Пять на самом деле. Меня даже не взяли на похороны.

– И когда тебе было пять лет, он беседовал с тобой о невиновных клиентах?

– Нет, я прочел об этом в книге спустя много лет после его смерти. Он говорил, что самый страшный для адвоката клиент – это клиент невиновный. Потому что, если ты напортачишь и он сядет в тюрьму, это оставит в твоей душе шрам на всю жизнь.

– Он так выразился?

– Смысл такой. Он сказал, что с невиновным клиентом нельзя играть вничью. Никаких переговоров о судебной сделке. Никакой нейтральной зоны. На табло должны появиться буквы НВ – «невиновен». Никакого другого вердикта, кроме как «невиновен».

Левин задумчиво слушал.

– Важно то, что мой старик был чертовски хорошим адвокатом и он не любил иметь дело с невиновными клиентами. Я тоже не уверен, что мне это нравится.

Глава 10

Четверг, 17 марта

В первом рекламном объявлении, которое я поместил в «Желтых страницах», говорилось: «Любое дело, в любое время, в любом месте» – но через несколько лет я изменил текст. Не то чтобы коллегия адвокатов против него возражала – возражал я сам. Я сделался более искушенным и разборчивым. Округ Лос-Анджелес являет собой измятое одеяло, покрывающее четыре тысячи квадратных миль – от пустыни до Тихого океана. На этом одеяле более десяти миллионов человек борются за жизненное пространство, и значительная их часть в качестве способа существования и заработка выбрала преступную деятельность. Статистика ежегодно фиксирует в нашем округе почти сто тысяч преступлений с применением насилия. В прошлом году было сто сорок тысяч арестов за тяжкие уголовные преступления и еще пятьдесят тысяч – за крупные, связанные с наркотиками и на почве секса. Прибавьте сюда вождение машины в нетрезвом виде – и можно каждый год дважды заполнять потенциальными клиентами стадион «Роуз боул» – «Розовая чаша». Но тут надо помнить, что вам не нужны клиенты с дешевых зрительских мест. Вам нужны те, что сидят не дальше пятидесяти ярдов от поля. Те, у которых в карманах есть деньги.

Попавшиеся преступники, словно в воронку, втягиваются в машину правосудия, которая включает свыше сорока зданий судов, раскиданных по всему округу. Эта сеть, не хуже сети забегаловок «Бургер кинг», тоже всегда готова вас обслужить – то есть, наоборот, подать как на тарелочке. Эти каменные крепости представляют собой нечто вроде специальных заводов, куда акулы – акулы правосудия – приходят поохотиться и покормиться. И ловкий, смекалистый хищник быстро уясняет, где располагаются самые изобильные места, где плавают наиболее выгодные клиенты.

Впрочем, ожидаемый размер добычи часто бывает обманчивым. Клиентская база судебного учреждения не обязательно совпадает с социально-экономической базой окружающей местности. Так, например, здания судов в Комптоне, Дауни и Восточном Лос-Анджелесе^[16] неизменно обеспечивают мне поток доходных клиентов. Этим людям обычно инкриминируется торговля наркотиками, но их деньги ничуть не менее зеленые, чем у биржевых мошенников из Беверли-Хиллз.

Утром семнадцатого я как раз находился в комптонском суде, представляя некоего Дариуса Макгинли при вынесении ему приговора. Преступник-рецидивист означает клиент-завсегдатай, многократный потребитель адвокатских услуг, и Макгинли как раз являлся таковым, как и многие другие мои клиенты. За период нашего знакомства его арестовывали по обвинению в продаже кокаина уже в шестой раз. На сей раз это случилось в «Никерсон-Гарденс», жилком комплексе, известном среди большинства его обитателей как «Никсон-Гарденс». Никто не мог мне сказать, было ли новое название просто сокращением первоначального или же получено в честь президента, находившегося у власти как раз в период возведения этого многоквартирного муравейника и одновременно рынка наркотиков. Макгинли взяли с поличным при передаче «из рук в руки» детского надувного шарика с дюжиной гранул кокаина переодетому агенту управления по борьбе с наркотиками. В то время бедолагу как раз выпустили на поруки после ареста за аналогичное правонарушение. Кроме того, у него уже имелось две судимости за торговлю наркотиками.

Дела складывались, прямо сказать, скверно для Макгинли, которому исполнилось всего двадцать три года. После стольких его оскорблений в адрес системы у системы кончилось терпение. Карающая десница была занесена. И несмотря на то что прежде Макгинли баловали приговорами с освобождением под залог или отсидкой в местной, окружной, кутузке, на сей раз обвинитель настроил суд на вынесение настоящего вердикта. Всякие

переговоры о сделке между сторонами все равно начинались бы с тюремного срока и им бы заканчивались. В противном случае прокурор с радостью вынес бы на процесс два уголовных дела разом и потребовал бы двукратного срока.

Выбор тяжел, но незатейлив. У гособвинения от лица штата были на руках все карты. Парня взяли с поличным на сбыте наркотика в крупном объеме, достаточном для двух уголовных дел. Короче говоря, сбыт кокаина подставному покупателю на сумму триста долларов стоил бы Макгинли самое малое трех лет жизни.

Как и для многих моих молодых клиентов мужского пола из южной части города, тюрьма для Макгинли представляла собой нечто вполне предсказуемое, а возможно, и неотвратимое в его жизни. Он вырос с ясным пониманием, куда движется и что его ждет. Единственные вопросы состояли в том, когда и на какой срок и хватит ли отпущенных ему лет, чтобы этот срок отмотать. Во время наших многочисленных тюремных свиданий я узнал, что Макгинли исповедовал личную философию, сформированную влиянием жизни и смерти, а также музыки Тупака Шакура, скандального и гиперагрессивного рэпера, безошибочно предсказавшего свою собственную насильственную смерть. Тексты Тупака Шакура стали источником надежды и безнадёги для этих богом забытых облезлых кварталов, которые Макгинли считал домом. Что и говорить, южные районы Лос-Анджелеса изобиловали юношами, которые несли в себе точно такое же видение мира, как Тупак Шакур и Дариус Макгинли.

Мой подзащитный подолгу декламировал мне длинные речитативы с компакт-дисков Тупака. Он нередко расшифровывал мне значение этих трущобных текстов. Такое образование я ценил, потому что Макгинли являлся лишь одним из многочисленной армии моих клиентов, объединенных верой в неотвратимость судьбы и конечный жребий в виде «рая для головорезов» – места между небесами и землей, куда попадают все гангстеры. Для Макгинли

тюрьма была лишь одним из этапов на пути движения туда, и он приготовился к этому испытанию.

– Залягу на дно, поднаберусь сил и смекалки, а потом вернусь, – сказал он мне.

Он дал мне «добро» на заключение судебной сделки и переслал пять тысяч долларов почтовым переводом – я не спрашивал, откуда они поступили, – и, вновь отправившись к прокурору, я добился, чтобы два подвешенных уголовных дела объединили в одно. А Макгинли, со своей стороны, не возражал признать себя виновным. Единственное, чего он просил добиться для него, – это определения в тюрьму неподалеку, чтобы его матери и троим малолетним детям не пришлось ездить к нему слишком далеко.

Когда объявили начало судебного заседания, судья Дэниел Флинн появился в изумрудно-зеленой мантии, вызвавшей неискренние улыбки у многих юристов и судебных клерков в зале. Все знали, что он одевается в зеленое каждый год в двух случаях: во-первых, в День святого Патрика – 17 марта, и во-вторых, в пятницу, перед футбольным матчем команды «Нотр-Дам» из католического ирландского колледжа с командой «Троянцы» из Университета Южной Калифорнии. Он был также известен среди юристов комптонского суда под кличкой Дэнни Бой – имея в виду искаженные слова популярной песни: «Дэнни Бой, тупой козел ирландский».

Секретарь объявил дело к слушанию, я подошел и заявил о своем присутствии. Через боковую дверь вывели Макгинли, и он встал рядом со мной, в оранжевом тюремном комбинезоне, со скованными руками, пристегнутыми к цепи, охватывающей талию. Никто из его близких не присутствовал в зале суда, чтобы наблюдать, как его осудят. Он был один, если не считать меня.

– Добрейшего вам утра, мистер Макгинли, – проговорил Флинн с ирландским акцентом. – Вы знаете, что сегодня за день?

Я опустил глаза в пол.

– День моего приговора, – невнятно пробурчал Макгинли.

– И это тоже. Но я-то говорю о Дне святого Патрика, мистер Макгинли. О дне торжества ирландского наследия.

Макгинли чуть повернул голову и посмотрел на меня. Он был неплохо образован в уличном смысле, но не в общекультурном. Он не понимал, что происходит: является ли этот выпад уже частью вынесения приговора или некой формой презрения со стороны белого человека. Я хотел сказать, что судья бестактен и, вероятно, расист. Вместо этого наклонился и шепнул ему на ухо:

– Просто не обращай внимания. Он придурок.

– Вы знаете происхождение вашего имени, мистер Макгинли? – спросил судья.

– Нет, сэр.

– А вам интересно узнать?

– Вообще-то, нет, сэр. Небось имя какого-то рабовладельца. На хрена мне знать этого ублюдка?

– Прошу прощения, ваша честь, – поспешил вмешаться я. Снова наклонившись к Макгинли, я зашептал: – Дариус, притормози. Держи себя в руках. И следи за речью.

– Он надо мной издевается, – проговорил тот.

– Но он еще не вынес приговор. Ты хочешь запороть дело?

Макгинли отодвинулся от меня и поднял глаза на судью:

– Извините за мой язык, ваша честь. Я вырос на улице.

– Заметно, – сказал Флинн. – Что ж, это позор, что вы так относитесь к своей истории. Но если вас не интересует ваше имя, то меня тем более. Переходим к вынесению приговора и отправке вас в тюрьму, не так ли?

Он произнес последние слова так бодро, словно нас ожидало удовольствие отправить Макгинли прямиком в Диснейленд.

После этого судебная процедура пошла быстро. В докладе по делу перед вынесением приговора не прозвучало ничего нового. Дариус Макгинли владел с одиннадцати лет одной-единственной профессией – наркоторгер. Его единственная подлинная семья – банда. У него никогда не было водительских прав, хотя он водил

«БМВ». Он никогда не состоял в браке, хотя имел троих детей. Играла все та же старая песня и та же заезженная пластинка, прокручиваемая по дюжине раз на дню в залах суда по всему округу. Макгинли относился к сообществу, которое пересекалось с жизнью остальной части Америки только в залах судов. Он служил просто кормом, фуражом для машины правосудия. Машина хотела есть, а на тарелке дымился Макгинли. Флинн приговорил его к заранее согласованным нескольким годам тюрьмы и зачитал все стандартные юридические формулировки, прилагаемые к сделке между сторонами о признании подсудимым своей вины. Для смеха – хотя только его собственные подчиненные откликнулись на сомнительную шутку – он зачитал этот штамп на своем излюбленном местечково-ирландском наречии. После чего представление закончилось.

Я знаю: Макгинли разносил смерть и разрушение в виде кокаина и, вероятно, совершил много других правонарушений и насильственных действий, которые так и остались неизвестными и никогда ему не вменялись. Но все равно после этого дела у меня остался скверный осадок. Я не могу отделаться от вечного ощущения: Макгинли – один из тех, кому изначально не представлялось шанса попробовать что-нибудь другое, кроме жизни уличного хулигана и члена шайки. Он никогда не знал своего отца и бросил школу в шестом классе, чтобы освоить торговлю кокаином. Он умел безошибочно считать деньги своего коммерческого предприятия, но никогда не имел счета в банке. Он никогда не бывал на лос-анджелесском пляже, не говоря уже где-то за пределами округа. И теперь его первым путешествием станет поездка в автобусе с решетками на окнах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

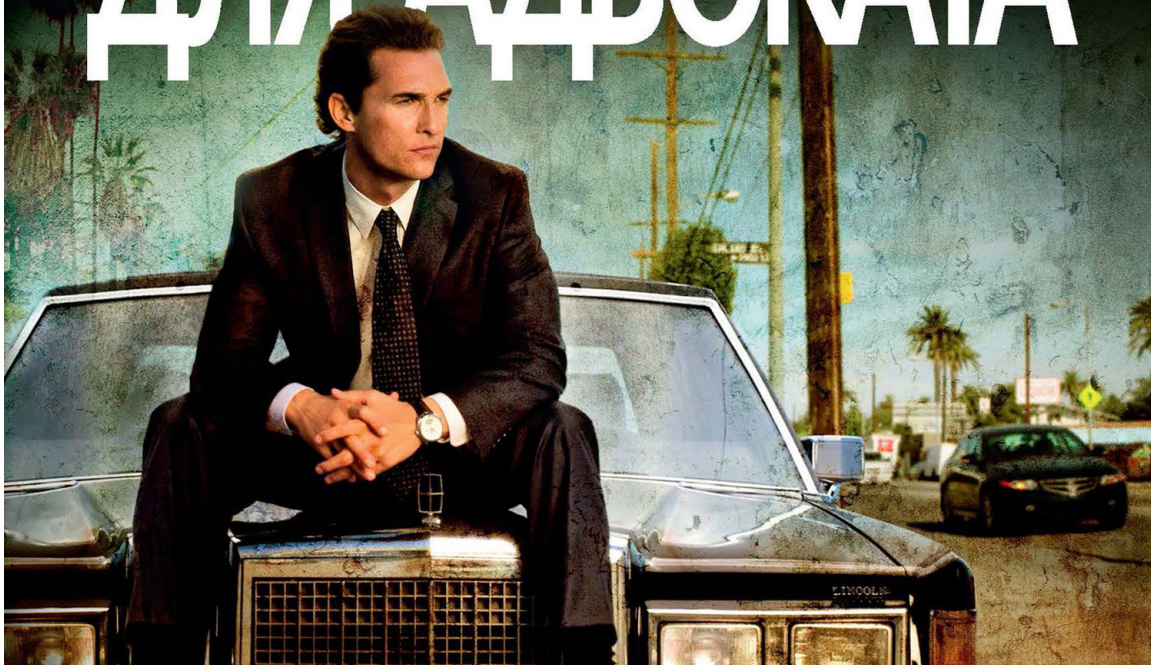
ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ РОМАНОВ КОННЕЛЛИ,
ЕСЛИ НЕ САМЫЙ ЛУЧШИЙ!

USA TODAY

МАЙКЛ КОННЕЛЛИ

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ **74 000 000** КНИГ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

«ЛИНКОЛЬН» ДЛЯ АДВОКАТА

Примечания

1

Имеется в виду рассмотрение дел судом присяжных в открытом заседании.

[Вернуться](#)

2

Аффидевит – письменное показание под присягой.

[Вернуться](#)

3

Намек на цвет долларовых купюр (*англ.* green – зеленый).

[Вернуться](#)

4

«Грязный Юг» – направление в музыке хип-хоп.

[Вернуться](#)

5

Glory days – славные дни (*англ.*).

[Вернуться](#)

6

Fierce – свирепый, жестокий (англ.).

[Вернуться](#)

7

Тибурцио Васкес – бандит Дикого Запада; одним из его убежищ был скалистый массив Васкес-Рокс, ныне природный заповедник.

[Вернуться](#)

8

Sticks – палки (англ.).

[Вернуться](#)

9

Микки Коэн – знаменитый гангстер, действовавший на территории Лос-Анджелеса в 1940–1950-х годах.

[Вернуться](#)

10

Чарльз Мэнсон – руководитель религиозной секты, члены которой по его приказу в 1969 году совершили в Лос-Анджелесе ряд жестоких убийств.

[Вернуться](#)

11

Серхан Бишара Серхан – палестинец, застреливший в 1968 году американского политика Роберта Кеннеди.

[Вернуться](#)

12

Микки Мантл – американский бейсболист, прославившийся своим искусством отбивать удары.

[Вернуться](#)

13

Большое жюри – коллегия присяжных, определяющая обоснованность и целесообразность предъявления кому-либо официальных обвинений.

[Вернуться](#)

14

Фронтера – женская тюрьма в Калифорнии.

[Вернуться](#)

15

Имеется в виду судебная сделка, когда обвиняемый добровольно признается в наименее тяжком из вменяемых преступлений с автоматическим отказом от дальнейшего рассмотрения дела в суде.

[Вернуться](#)

16

Речь о пригородах Лос-Анджелеса, неблагополучных в социальном и криминальном отношении.

[Вернуться](#)